

Сергей Каледин

Поп и работник

Сергей Каледин
Поп и работник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158681

Содержание

1	4
2	23
3	36
4	44
5	54
6	62
7	76
8	88
9	100

Сергей Каледин

Поп и работник

Сцены приходского быта

Юрий Гаврюченков

Да будут открыты очи твои на храм сей.

Книга.

– А кто такие?

– Брат с сестрой. Идем на богомолье.

Н.А. Некрасов.

1

Вера Ивановна Князева, староста церкви Покрова Божьей Матери, притоптала крохотным кулачком пружинящие деньги: трехлитровая байка была набита почти доверху, – соскребла со стола вместе с хлебными крошками оставшуюся мелочовку и доложила в банку аккурат под самый зев. Достала машинку для закатки, новую, ненадеванную крышку, пальцем проверила, не выпала ли резинка, и, перекрестясь, закатала деньги тремя оборотами. Пересчитать так и не успела. Да и чего попусту считать: на Успенье шестьдесят тысяч было, с той поры ну еще пара-тройка тысконок набежала.

Вера Ивановна обеими руками прижала к груди потяжелевшую банку и, нащупывая ногой в обрезанном сапоге вы-

бывшиеся половицы – не споткнуться бы в полумраке, – шагнула в прируб: прятать черную кассу. Но далеко не ушла – задребезжало оконное стекло.

– Э!.. На катере!.. Подъем!..

Вера Ивановна застыла на месте с поднятой для следующего шага ногой, но не испугалась, а только прикинула в уме: плотные занавески в сторожке? Видно снаружи или нет?

– Толька, что ль, Маранцев?.. – проговорила она, заталкивая банку под кровать.

– Открой человеку!

– Ты мне попусту не стучи! Днем приходи, как все люди.

– Сказать надо.

– Чего говорить – вестные твои слова. Спать иди.

А про себя уже соображала: бутылку белой дать – повадится, а денег – опять не вернет. Балды если плеснуть?.. Так ведь тоже повадится. Лучше уж денег...

– Тебе сколько требуется-то?

– Сколько, сколько, на бутылку... Отработаю...

– Знаю я вашу работу. – Вера Ивановна запустила руку под тюфяк. – Работнички... Били-били, кошке чуть жопу не прибили, а крыша все равно текет... Где ты в такую рань вина-то добудешь?

– Чего ты там чухаешься? – просипел снаружи Толька Маранцев. – Даешь, что ль?

Вера Ивановна вышла в сени и сунула деньги под дверь.

– Из пенсии своей даю, понял? Ни с чем осталась.

– Не гони пургу! Отработаю!

– Елей когда добудешь, который раз обещаешь! – проворчала Вера Ивановна, ображая строгость.

Спрятав банку с деньгами, Вера Ивановна включила свет, нацепила очки, потерявшие от времени силу, достала молитвенник и, закрыв глаза, зашептала:

– «...От сна восстав, полунощную песнь приношу Тебе, Спасе, и припадая вопию Тебе: не даждь мне уснуть во греховной смерти, но ущедри меня...»

Она тужилась прочесть молитву со тщанием, но каждый раз, доходя до середины, сбивалась и начинала снова: Только Маранцев, тюремщик беспробудный, не шел головы... В который раз отогнав от себя дурную мысль, Вера Ивановна обратилась к Господу Богу с винениями за непотребную суету разума, но поверх очков заметила ползущего по иконе таракана и хлопнула нечисть грязным полотенцем.

– Пропади ты пропадом! – соскоблив таракана с иконы, она потянула шнур – включить чайник. Шнур не поддавался.

– Ох, ох... – раздалось с сундука.

– Чего заохала? Спи лежи, – пробурчала Вера Ивановна, взглянув на кучку тряпья под иконой. – На шнур улеглась... Спи! Рано еще.

Но кучка тряпья на сундуке заворочалась, ожила, нее выпросталась Шура, глухая нищенка, за которой охотился собес, чтоб упрятать в районную богадельню; вот уж месяц как полудурка сбежала оттуда без паспорта.

– Ох, ох! Шура, не балуй, не озоруй, – причитала нищенка, заправляя седые волосы под грязную косынку. Она сбила одеяло в сторону и села на сундуке, свесив ноги, уже готовая к жни, – в зеленом засаленном пальто, перехваченном тряпичным пояском. Усаживаясь, Шура всколыхнула воздух, и крохотную сторожку наполнил тяжелый невымытый запах.

– Шу-ра! – в два приема прокричала ей в тугое ухо Вера Ивановна, включая чайник в розетку, – давай тебя помою!

Шура замахала руками.

– Ничего не буду, ничего не слышу, ничего не знаю!..

– Ты на меня руками-то не молоть! – затормозила ее Вера Ивановна. – Давай, говорю, головку помоем. И ножки. Воды в печке нагрею – и будешь как новая! Дух от тебя, Шура, чижелый, не всякий человек выносит.

– Не трог меня, уйди от меня! – отбивалась Шура. – Сами все чумазные ходите... Вера Ивановна махнула рукой.

– Тьфу ты, Господи! Ишь расстроилась, как худая бала-лайка!.. Здесь когда нищенки после войны приходили, они послушно жили... И домик соблюдали... Э-эх...

Вера Ивановна оставила затею с помывкой Шуры и полезла за мукой – тесто для просфор ставить. Затопила печь и, пока та разгоралась, поспешила в батюшкин дом, – тоже надо протопить, батюшка под обедню с ночевой приедет.

У паперти на боку лежал кот. Вера Ивановна потрогала его: заковенел Барсик, стало быть, п Чего уж... старый... Она сходила в сарай за снежной лопатой и на лопате вынесла кота

за дорогу подалее: птицы разберут, а нет, так собаки возьмут.

Батюшкин дом немногим отличался от ее халупы. Разве что попрямее, почище да обоями вместо газет оклеен. И две комнаты – одна сквозь другую. Да холодильник. А так – та же продува, не натопишься: на ночь истопишь, к утру все ветром вынесет...

Кровати батюшки и матушки были не засланы; матушкина кофта свешивалась со стула, ночная рубашка на телеворе. Горшок и тот не прикрытый. Вера Ивановна подошла поближе: и не вынесенный. Тьфу, прости мою душу грешную! Она повернулась к огромной, в полроста иконе в углу за аналоем и завинялась перед Богом за недовольство батюшкой, а самое главное, матушкой, Ариадной Евгеньевной. И имя-то какое не православное. Тьфу ты, Господи! Спаси, Христос!

Кофту – в шифоньер, рубашку с телевора долой, тапки – рядышком; конфеты, яблоки, печенье – в сервант. А горшок нарочно выносить не буду. Для принципа: пусть сама.

Вера Ивановна сдернула со спинки кровати тяжеленную черную рясу, перекинула через плечо – ох, длинна! Вот уж уродился батюшка так батюшка, ничего не скажешь, солидный мужчина. Здорова Федула... Вовремя спохватясь, Вера Ивановна истово закрестилась. «Что ж это я в озлоблении таком, Господи?! Пряма вся нервная стала: плюнь в рот – драться лезу!..»

Шура сидела на сундуке в первоначальной позе: недо-

вольная, скрестив руки на животе.

Вера Ивановна пошебаршила в печке кочергой и отвалилась на табуретку: от нкого нагиба помутнело в глазах – давления не хватает.

– Что исть будешь, Шура, – вяло спросила она, – яйцо или картошки с салом? Шура поглаживала серую кошку.

– Ишь какая головка махонькая... А у людей с ведро, а ума нет...

– Что исть, говорю, будешь? – уже с напряжением в голосе повторила Вера Ивановна.

– Как вы, – поджав губы, прогундосила Шура, – ваша воля... Что ж я чужим распорядиться...

– Ишь ты! – всколыхнулась Вера Ивановна. – Поджала губы курьей гузкой! На! Яйцо крутое колупай, молоко бери! Обиделась, старая беда!.. А кошку брось! Чего к столу тащишь?!

Шура осторожно поставила кошку на пол, передвинулась к столу и брезгливо повертела вилкой в кружке с молоком.

– Колхозное? Не буду, там говны одни.

– Откуда ж они там взялись, интересное дело? Молоко на ферме в кишки резиновые льют, прям сисок.

– И яйцо мне круто, мне бы мяконького, – капрничала Шура. Вера Ивановна стукнула по столу черной высохшей ладошкой.

– Повардох – мягкое варить! Ешь чего дают, не то в больницу сдам! Не доводи до греха, Шура! Слушайся, покудова

я здесь хозяйка! Мне с тобой бодаться не под года.

– Батюшка приедет, пожалуйюсь, – захныкала Шура. – Житья нету...

– Ты лучше матушке пожалься, – посоветовала Вера Ивановна, околачивая Шурино яйцо о стол. – Матушка у нас жалостливая, до чего жалостливая... Ешь яйцо, молоко пей! Кому сказано! – И, смягчившись, добавила: – С-под Катинной коровы, не колхозное.

Только сейчас Вера Ивановна заметила, что сама-то на ногах, присела на табуретку.

В сторожке стало тепло. Чего ж поесть? Хотелось ей открыть баночку ветчинки зарубежной, ветеранской, желеем залитой, тем более что мясо ей Димка-регент – детский врач – велел есть для давления, чтоб выше набиралось, да ведь какая в пяток ветчина! В пятницу лучше на рыбе ехать. Она встала на колени, раскрыла обшарпанный кухонный шкафчик, который был в сторожке за стол. Банок внутри стояло много, да все не то: икра кабачковая, икра баклажановая, сгущенка, шпроты, – да и колбаска кооперативная по одиннадцать рублей – полешко залежалось. Рыбы в шкафчике не было. Вера Ивановна подвигала банки... неужто всю сожрали?.. Выходит, всю... А-а, не-ет, вона икра минтай! С чайком пойдет за милую душу, скользкая и зуб не надо. Вера Ивановна отрезала ломоть хлеба, корки обломила, намазала икрой. Поспел чайник. Она кинула в чашку четверть ложечки бразильского, в катышках, растворимого кофе – тоже для

давления – и туда же свежей заварки со слонком.

Шура тем временем уже поела и доливала блюдце – под молока, чем растрогала Веру Ивановну.

– Еще попей молочка.

Но Шура демонстративно отсела подальше от стола. Вера Ивановна выждала и как бы незаинтересованно напомнила:

– А чего ж помянуть-то не помянула, отсела, ровно гостья? Помяни, раз покушала.

Шура не реагировала, прикрываясь глухотой. Вера Ивановна усилила голос:

– Слышь, чего говорю-то?! Шу-ра! Помяни давай! Шура нехотя встала, повернулась к иконам, замерла.

– Ну, чего стоишь попусту? – Вера Ивановна слегка ткнула нищенку в спину. – Чего молчишь?

Шура повернула к старосте сморщенное в злобе лицо, забурчала под нос что-то грубое, вроде как даже по-матери.

– Ишь ты, – ухмыльнулась Вера Ивановна. – Дуется, как пузырь дождевой. Ну-ка мне!

Шура повернулась к иконам.

– Помяни, Господи, усопшую Акулину, вечная память, вечный покой!.. (Это про мать Веры Ивановны.) Помяни, Господи, усопшего Ивана, вечная память, вечный покой. (Про отца.) Помяни, Господи, убившего Иоанна...

– Не убившего – убиенного. Сколько раз говорено!

– Убиенного Иоанна, вечная память, вечный покой...

Все, – не оборачиваясь к ненавистной хозяйке, проворчала

Шура. – Помянула.

Рукавом офицерского кителя Вера Ивановна смахнула слезу с глаз, которая всегда выползала на словах «убившего Иоанна», потому что то был ее сын Ваня, разбившийся несколько лет назад по пьяному делу на грузовике в день своего пятидесятилетия. После похорон она уже на постоянно переселилась в церковь.

– Ивановна-а!.. – послышалось за дверью.

Катя-телефонистка, заместительница Веры Ивановны, прибыла для помощи – печь просфоры.

– Шура, иди в трапезную! – засуетилась Вера Ивановна. – Катерина вон приехала, мешать нам будешь.

– Все гонют, гонют... – заныла Шура, собирая манатки в узелок. – Никакого покою... Повешаюсь, а там как знаете... Три поклона – и повешаюсь, и сами тогда разбирайтесь...

Шура, набычившись, головой вперед подалась сторожки, чуть не сбив с ног входящую Катю.

– Шурка-то прям как гоночная стала, – усмехнулась та, стягивая телогрейку. – А я, дура, таблеток от головы нажралась, да не тех сослепу, все тело разнесло, распухла, как квашня, думала, не встану. Аллергия вдарила. – Она перекрестилась и поцеловала Веру Ивановну. – Тесто-то как?

– Готово.

Катя достала с печки фанерный круг, переложенный от грязи старыми газетами, положила его на стол, уставилась в старую газету, шевеля про себя губами. Вера Ивановна при-

несла печатки, завернутые в чистые тряпицы. Печатки были с незапамятных времен: металл истончился и с краев был как фольга конфетная.

– Чего ты там вычерпала?

– Паренька германского отпустили – помнишь, на Красную площадь залетел? Куда ему в Сибири сидеть!.. Чахлый весь... Его по телевору показывали, прыщеватенький такой... Мамка к нему еще на суд приехала. Паршивенький немчонок. Помнишь, у нас в деревне какие стояли: один к одному, один к одному!..

Катя содрала газету и потрусила над фанерным кругом мукой.

– А Тоня-то Колюбакина, слышь, Вер, померла. В огороде ковырялась – и башкой в гряде. Удар зарезал. Привезти должны.

– Пускай везут, – сдержанно кивнула Вера Ивановна, – Она свое погуляла... И с тем и с этим... Даже Петрова не обошла, невзирая, что старик...

– А ты не ревнуй, – выкладывая тесто, рассудительно сказала Катя. – Чего тебе Петров? Петров вон сколько пользы принес, вся церква по сей день на нем...

Вера Ивановна вдруг застыла.

– Старая кокура! Храм-то не тоplen! Из башки вон!..

– Тоже мне ктитор!.. – покачала головой Катя, – Котлы топишь, пола моешь!.. Тем ли церковный староста заниматься должен?

Вера Ивановна отряхнула руки от мучного налипа и побежала в котельную

– глубокий подвал под правым приделом церкви.

Оба котла выстыли, да как им не выстыть, если два дня не топлено. Вера Ивановна проковыряла шуровкой колосники от угольного спека, вычистила поддувала, запалила масляную рвань, сверху положила чурочек и угольку помельче, чтобы схватилось. От возни снова застучало в голове, она присела перевести дух. Сверху с поленицы, не выдержав угарной вони, мягко шлепнулась старуха Машка и, мяукнув, полезла котельной вверх по обитому кровельным железом желобу для подачи угля. Крутые ступеньки, ведущие в котельную, ей были уже не под силу.

А весной еще по ступенькам прыгала, подумала Вера Ивановна, наблюдая, как Машка с трудом выбирается по скользкому железу. Ей не под силу, а мне каково?.. Зима на носу. Кто храм топить будет? Размерзнут трубы, котлы встанут, роспись в храме попадает... Думать страшно! А ведь когда гнал батюшка Левку-кочегара, не думал! Выгнал – и с глаз долой!.. Кто теперь в котельной управляться будет, воду носить, дрова?.. Главное – еврей ему Левка! А он и еврей-то всего на четвертушку, если на то пошло. А хоть бы и целиком еврей, что с того? Иисус-то наш Христос кем был?.. Русским, что ль?!

Катя уже сажала на противень напечатанные просфоры.

– Холодильник бы надо. Одним разом напечь – на две

недели. А то – мудохайся каждый раз!

– Я бы свой с Кирпичной привезла, – вздохнула Вера Ивановна, – да как привезешь?

– На санках если?

– На санках-то зимой, а зимой на кой ляд мне холодильник?

– Вчера по телеверу Пугачеву передавали. С дочкой. И на мать-то не похожа... Не смотрела?

– Тут и без телевера колготня... Ты водой, водой просфоры помажь. Шурка-то знаешь чего грозитя? Три поклона, говорит, и повешаюсь в лесу! Повисю, говорит, сымут, захоронят красиво, с песнями, удавленников с оркестром хоронят.

– Ишь ты! – возмутилась Катя. – Озорница! Пойдет да удавится.

– А мне-то какой грех! – Вера Ивановна покачала головой. – Скажут, довела!

– В приют сдай, – посоветовала Катя.

– Скажут, сдала, куска хлеба пожалела.

– А ты ее к делу приспособь – дурь-то и снимет, У тебя и так дел невпротык, а тут еще отдыхальщица санаторная!

– Нет уж, пускай Христа ради живет. Еще скажут: вдвоем-то, мол, нехитро управиться. Пусть уж до весны побудет. – Вера Ивановна знала, конца этому разговору нет, а потому закрыла тему, только добавила для итога: – Батюшке скажу. Так и так: грозит, мол, удавиться. Чтоб был в ответ-

ственности.

– Скажи, – согласилась Катя. – Я тебе кролика привезла.

– Шура скушает, – кивнула Вера Ивановна.

– А сама-то?

– Их Господь православным запретил: кролики котам неподобны. И котятся слепыми, как недоноски... – Вера Ивановна печально вздохнула. – Ох, Кать, грехов на мне, исповедаться надо. Посидела бы тут денек, пока я к отцу Науму в Загорск сбегаю. Посидишь?

– Чего хочешь, это – нет! Меня озолоти, чтоб здесь под зиму, в ночь!.. Пришибут – никто не дознается! Лежи воняй!..

– А я вот не боюсь. Мне что жить, что помереть... Помереть даже лучше, забот меньше, Катерин... Одна беда – грехов полно. Тело зареют, тело сопреет, а душа-то неприкаянна, душе страдать... Прямо какая-то тоскливая я стала, Катя, сама себе в тягость. Иной раз думаю: плюнуть бы да уйти к себе на Кирпичную, комнатка у меня веселая, пенсия пятьдесят рублей, чего еще? Буду сидеть Мананку Зинаидину нянчить.

– А отец-то наведывается?

– Вахтанг? Очень ему надо! Гульванит где-то... Может, у себя на Кавказе.

– А на алименты подать?

– Пустое дело! Переустроится – опять пропадет. Бог с ним. Двадцатку государство жалует, и ладно.

За воротами раздался длинный гудок.

– Тоню Колюбакину привезли, – сказала Катя, задвигая противень в печь. Вера Ивановна не торопясь достала – под тюфяка ключи от церкви на большом старинном кольце.

– Пойду приму.

Но оказалось, привезли не покойницу: Толька-тюремщик елей привез – наворованное масло вазелиновое. И когда успел?..

– С благоприятной погодкой! – заорал он, спрыгивая с подножки самосвала. – Раз сказал – два не надо!

– Сколь привез?

– Бочару. Как велела. Двести литров. Рубель

– Хороший елей-то? – для виду засомневалась Вера Ивановна. – Вазелиновый? А то нальют...

– Ворота растворяй! – торопил Толька. – Две доски – и котом!

Пока Толька с шофером ворочали бочку, пока завтракали в кирпичном одноэтажном домике для ночевки певчих и богомольцев, Вера Ивановна открыла церковь. Достала сейфа деньги, начала считать. На второй сотне в церковь ворвался Толька.

– Денег наслужили, а счесть не можете!

– Иди, иди отсюда! – замахала на него Вера Ивановна. – Прется в храм!

Не любила Вера Ивановна, чтоб видели, как она с деньгами возится. Скоро финансовый год кончается, а у нее в сейфе пять тысяч неоприходованных. Батюшка-то про них зна-

ет, да исполком не знает, по ведомостям не проходят. Вот – за денег у нее с батюшкой беспорядок и начался. А вернее, с матушкой. Чует матушка носом своим, что есть в церкви еще и черная касса. Тайная. А там, в банке стеклянной, уже не пять тысяч... Матушка-то, слава Богу, опытная, знает: во всех церквях такие кассы имеются – коммуне неподведомственные. И для попов закрытые.

Был бы батюшка податливый да понятливый, ремонт бы продолжили, роспись в храме поправили, сменили бы отопление, ограду... Так нет: благословения не дает!.. Как начали ремонт летом, так и замерло. И все потому, что дачу себе воздвигать вознамерился. За оградой! Навез чушек бетонных для фундамента, цоколь вывел под гараж – все, деньги кончились. Дворец затеял. Так ведь она не против. Пожалуй-ста, строй хоть в три этажа. У тебя и дети еще учатся, и внуки на подходе, и самому не молодеть, вон пилюли все мечет. Строй себе на здоровье. Бери деньги. Хоть все шестьдесят тыщ! Но только в ограде церковной строй! Служишь в церкви – пользуйся! Перевели в другой приход или помер, не дай Бог, – другой священник дом займет. И машину купи, на, пожалуйста, только на церковь оформляй.

...Вера Ивановна пересчитала деньги еще раз, добавила десяточку Тольке за труды – кроме утреннего червонца, – чтоб не зря подметки бил.

– Слышь, – спохватилась Вера Ивановна, когда самосвал уже заурчал, выбираясь церковных ворот, – Толь, найди мне

кочегара на зиму! Хоть убогого. Глупого можно. Замерзнет церква. Поищи где-нигде. Только шапану не сватай!

– Сделаем, – сказал Толька. – Три двадцать в кассу, чеки мне! Налить бы, хозяйка?

Вера Ивановна вздохнула.

– Ладно, за воротами подожди.

Ее знаменитая балда – разбавленное варенье, настоянное на пшене, – хранилась под кроватью в трехлитровых банках. Вера Ивановна полезла под кровать. Банки стояли, но как-то не так. Не так, как она их ставила... Точно, не так.

Она с трудом поднялась и присела на Шурин сундук.

– Та-ак... Значит, лазил... Значит, видел. А может, и не лазил...

Проводив Тольку Маранцева, Вера Ивановна взялась подшивать подворотничок к рясе. И опять наткнулась в кармане рясы на стеклянную трубочку с лекарством от сердца, и ей стало жаль батюшку.

Вошла Катя, присела отдышаться.

– Пола в церкви вымыла, теперь вот подсвечники протереть. Елею давай.

– Из новой бочки качай, в старой одни подонки. Ну-ка, Кать, выдери узелки – шеяку натрут. А то я сослепу не вижу. – Вера Ивановна протянула Кате полрясы, вторая половина осталась у нее на коленях.

– А барыня-то сама подшить не может? – Катя зубами, ногтями не бралось, выдернула твердого стеганого воротни-

ка старые узлы, покачала головой. – Прогладить бы надо, ходит как парчушка парепанный!.. А она знай свои гобелены штопает. Ты кассу спрятала?

Вера Ивановна молча кивнула, переложив ей на колени тяжелую ряску.

– Прошпарь, Катерин, а я пока к Аринке Маранцевой пробегусь, яичек возьму: народ вечером нагрянет, а варева никакого. – И без особой надежды спросила: – На всюнощную не останешься?

– Это без меня, – замотала головой Катя. – Если бы батюшка один приехал, другой разговор, а матушку зрить не могу. Она с тебя денег больше не тянет? А то мы батюшку враз на оклад пересолим! Двести пятьдесят в зубы

– и будь здоров!..

– Ладно тебе, опять вся краснотой набрякла. Матушка и матушка, чего ж теперь? Завтра-то хоть придешь к обедне?

– Завтра приду. При народе она не так в глаза лезет.

– Уходить будешь, замок набрось, – тяжело вздохнув, сказала Вера Ивановна. Выйдя сторожки, она как бы невзначай заглянула в окно снаружи: не больно-то занавески плотные, вполне Толька мог углядеть, как она с деньгами мудрует.

Перед покосившейся бой Арины Маранцевой в облетевшем палисаде гуляли беспальные куры и петух без гребня, тоже беспальный. Петух взлетел было на куру, вцепился ей в холку клювом, кура затрепетала, и петух, не удержавшись култышками на ее спине, слетел на землю. Вера Ивановна покачала

головой.

– Нема от тебя теперь прока, теперь только в суп.

– Ты чего там ворожишь? – раздался с крыльца скрипучий голос Арины.

– Зачем, говорю, курей поморозила? На обглодках шастают!

– А ну их! Тебе яиц небось? Десяток наберу. Рубль тридцать. Как диетические. Пока Арина долго считала яйца, в сенях раздался гром – ба пошатнулась.

– Баран озорует, – пояснила Арина. – Убить бы сволоча, да боюсь, мяса не сохраню до мороза. Если впополам с кем засолить. Не хочешь?

– Я свое отъела, мне теперь одно месиво по зубам.

– Весь двор разнесет! Пойти прибить заразу?.. Заскользю...

– Только, сына своего, попроси, – посоветовала Вера Ивановна. И добавила, подводя разговор к чему хотела: – Чегой-то он ко мне утром ломился?

– Денег небось требовал? – Арина подала Вере Ивановне целлофановый пакет с яйцами. – Скоро опять сядет. Ему тут не житье. Там он попривык, главный у них стал. Покормят, постелят...

– Ты, Арин, скажи сыну, чтоб ко мне по ночам не ломился, мне одно волнение... Пусть днем... А то я бабушке нажалуюсь, он его в милицию сдаст.

– Сда-аст! Он те сдаст!.. Он вас порежет, как курей, и в

тюрьму – отдыхать! Не трог ты его, может, сам угомонится...

Вера Ивановна вдруг тыркнулась к окну.

– Не батюшка со станции метет?.. А? По фигуре, кажись, он! А вон и матушка... Чего ж без машины-то? Опять сломалась? А это еще кто ползет? Тьфу ты, Господи, Татьяна, кажись?..

– Тебе-то какая печаль? – сказала Арина, запрягая седые волосы в косицу. – Ноги ходят – пусть приходит.

Нелюбимая Верой Ивановной восьмидесятилетняя Татьяна следовала за отцом Валерием по пятам, начиная с Ярославля, где он получил свой первый приход, еще учась в семинарии. Сперва в дьяконы рукоположили, а через три дня – во пресвитеры. Слухи были, не все так просто: блат, мол, батюшке помог в священники выбиться, и корочек-то у него до сих пор нет. По инженерному делу есть, по строительному, по первой специальности, а по религии – нет. Вот его и гоняют туда-сюда. А Татьяна за ним полозает как прилипшая; семьею пренебрегла и носится по белу свету!.. Досадно было Вере Ивановне, что Татьяна старше ее, а Бога чтит больше. Сама-то она к церкви полностью припала, когда одна осталась: сын погиб, дочь завербовалась. Вроде как от безделья. Досадно было Вере Ивановне, обидно и... завидно.

2

У переезда мотоцикл сотрясся неотрегулированной дрожью. Бабкин отломил от бузины ровную веточку, сунул в бензобак, хотя и без мерки знал, что бензин весь. В люльке мотоцикла, омываемый дождем, скулил Бука.

Из будки на переезде вышла тетка в ярко-желтом жилете, за ней мужик в плаще.

– Бензин кончился? – крикнул мужик Бабкину. – Туши свет, сливай воду: на шоссе не сторгуешь, а заправка в Гагарине.

– А-а?

– Чего «а»? Церква тут есть. У бати «Москвич», может, даст малку... Пихай аппарат под навес...

– Вот еще! – заорала тетка. – Буду я чужое стеречь!..

– Пихай, говорю! – прикрикнул на Бабкина мужик и повернулся к тетке.

– Смолкни, а то обидюсь!

Он помог Бабкину приткнуть мотоцикл к будке. Постучал по шлему.

– Поактивней натяни! Соскочит с башки-то.

– Не натягивается, – пробормотал Бабкин.

– Калган у тебя будь здоров! – заржал мужик. – Значит, мозгов много. Как звать-то?

– Влад

– Вован, значит... А я Толян, На краю деревни под раскидистой рябиной, с вершины которой, свесив башку, уставилось вн чучело, в маленьком прудке среди попискивающих нутрий длинным сачком ковырял воду толстый старик в красной синтетической куртке.

– Генералам! – поприветствовал его Толян. – Чего воду мутишь? Старик разогнулся.

– Мотыля вот ловлю на Птичий рынок, не ловится.

– А на Птичке только самцов берут. Ты проверяй.

– Ладно врать-то!

– Точно говорю. Мотыля на половое меж зубов проверяют. Протянулся – самка, отбрасывай. Яйцами застрял – самец. Все научи. Что б вы без меня делали, если б я всю дорогу чалился?

– Кто это с тобой? – перебил Петров.

– Вован с Москвы. Корефан мой. С бабой поругался. Порнуху на ночь ходил смотреть малек. Для сна. Утром пса не вывел, заспал. Пес нагадил. Баба обоих и выгнала. – Толян обернулся к Бабкину. – Так я говорю?

Бабкин пожал плечами.

– П-приблизительно.

Петров, насупясь, внимательно осматривал Бабкина.

– Зачем башку мотоциклетную нацепил?

– От дождя, от ветра! – заступился Толян. – Да он ее съмет, дядя Федь. Со временем. Батя прибыл, не знаешь?

– Мне-то какой он батя? – скривился Петров. – Я в рели-

гию не верю. Ступай давай, не мешай. Собаку-то пристегни.

Возле церкви мотались на веревке две рубахи и хлопал надутый ветром пододеяльник.

Толян кивнул на церковь:

– В прошлом году грабанули, а не отразилось, денег – как у дурака махры. Собаку-то привязать надо. Не кусается?

– П-почему не кусается? – обиделся Бабкин. – Ку-куса-ется, когда надо. Церковь была в неубранных лесах. Возле лесов валялась разбитая бочка с побелкой, рваные мешки – под цемента, доски... На ржавых, покоробленных листах схватился невыработанный рас На правом приделе церкви стучал по обрешетке лист оцинкованной кровли.

Из сторожки с тазом в руках и связкой прищепок через плечо вышла старуха в офицерском кителе.

– Э! На катере! – окликнул ее Толян. – Стоять!

– Пошел ты!..

– Чего ты, в натуре? Сама кочегара просила!..

Сразу помягчев, старуха поставила таз на хроющую лавочку возле неогороженной могилы.

– Заходите, пожалуйста, в трапезную. Там батюшка. Толян подтолкнул Бабкина:

– Вон домик кирпичный.

Бабкин на всякий случай постучал в обитую коричневым дерматином дверь с наколоченным на ней шляпками обойных гвоздей большим крестом.

– ...Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный,

помилуй нас!.. Сзади на Бабкина налетел Толян, вдавливая его в дом. Бабкин шагнул, не посмотрев куда, и сокрушил стоявшие в междверье кастрюли.

– ...Слава Отцу и Сыну... – дорокотал невидимый передней бас, и следом впритык раздраженный женский голос крикнул:

– Что там еще?

– С благоприятной погодкой вас, граждане! Кастрюлю тут... Из трапезной шикнули и продолжили религию.

Бабкин оглядел переднюю. Справа от двери шумел отопительный котел с осколком водомерной трубки, рядом стояли два ведра с углем и таз со шлаком. На котле сушились поленья. В углу кипел чайник. Толян по-хозяйски выключил плитку.

– Все кипит и все сырое.

В переднюю выходили три комнаты. Бабкин заглянул в ближайшую: шесть застеленных раскладушек, икона, лампадка, на подоконнике старинная, книга в протершем кожу деревянном переплете.

Торян замел веником пролитые щи и бухнулся на раскладушку.

– Толковище!.. – усмехнулся он, прислушиваясь к соседней» комнате. – Опять ругаются.

– На все, Леночка, надо испрашивать благословение батюшки, – спешил раздраженный женский голос. – А ты?.. Мы с таким трудом собирали церковное собрание. Батюшка

сам по бам ходил, чтобы был кворум. Из райисполкома человек специально приехал. Зачем ты за нее выступила? Если бы не ты – ноги ее здесь не было! Какой это староста?!

– Прекрати, мать! – мужской голос был тихий и хрипловатый. – Читай, Женя, не отвлекайся.

– «...Не должно у других искать истины, которую легко заимствовать от Церкви. Ибо в нее, как в богатую сокровищницу, Апостолы в полноте положили все, что принадлежит истине, так что каждый желающий может принимать от нее питание жни...»

– Книжки читают, – сказал Толян. – Сейчас отмолят – попу представлю. Батя путный. Садись, чего стоишь?

Бабкин сел.

– Здесь Димка спит, детский врач, регентует у нас, – Толян хлопнул по соседней раскладушке. – И за дьякона. У бати сын, кстати, тоже дьякон, недавно врукоположение принял. Здесь Женька-сумасшедший. Артист бывший. Жофрения. Остальные – пацаны с Москвы, певчие. Новые ребята. Прежних-то батя выгнал, которые при отце Валентине пели. Шадаев фамилия. Про него в газете писали. Духарной мужик был. В Орепьеве стройбат бабу отодрал, ну и побили малек. Он к ним в рясе, с крестом, во всем обличье в часть поперся. Разговоры разговаривать. Чудной. Андропова отпевать отказался. Его архирей за рубеж в Он теперь во Франции. Перестройка, еж твою медь! Сажать хотели. Плюральм и альтернатива. Слышал, нет: «Что ты жалобно поешь, Алла Пугаче-

ва? Хрен теперь вина попьешь у Миши Горбачева». – Толян постучал по стене, за которой храпели. – Там баба Димкина. Она неграм французский язык преподает. Скоро третьего родит.

– От негра?

– Зачем? От Димки. Баба-то его.

– Сколько у нее времени? – тупо спросил Бабкин, вспомнив про свой дом, беременную жену Светлану и про то, что она его выгнала.

– Не знаю, пузо – во! – Толян дотронулся до батареи. – Не греет, падла!.. Иди пошуруй! Я бы сам кочегаром пошел, да батя боится: запью – спалю халупу. А чего, запросто.

Бабкин присел на корточки перед котлом, потыкал в топку лыжной палкой. В прихожую вошла старуха в кителе.

– Значит, истопником у меня будешь, – утвердительно сказала она, сваливая возле котла охапку дров. – Я знакомства-то так и не провела: Вера Ивановна.

Бабкин не успел представиться, в трапезной вспыхнул шум, задвигались стулья.

– Пошли! – скомандовал Толян. – Отыграли девки Пасху, откатали яйца! Батю отец Валерий звать.

– Шапку снимите, – спохватилась староста.

Бабкин стащил с головы шлем и робко шагнул вслед за Толяном в трапезную. На торце стола натуральный священник в черной рясе, лысый, с седой бородой, накладывал в чашку гранулированный кофе иностранной банки. Рядом на уста-

ревшем диване немолодая женщина в гуцульской душегрейке с неприятным культурным лицом что-то вышивала. Бабкин почему-то сразу понял: раздраженный голос – ее. Дальше столетняя ведьма обсасывала сухарь, девушка в дымчатых очках сидела, опустив голову. По правую руку от священника восседал молодой носатый бугай, наверное, обладатель баса. За ним по всей длине стола расположился народ помельче, можденный парень, похожий на Гоголя, уткнулся в раскрытую книгу.

– Женя, – сказал ему отец Валерий, – рубашку застегни.

– Благодарю вас, батюшка. Большое вам сыновье спасибо. – Он послушно застегнул пуговку на расстегнутой до пояса рубашке и страдальчески взглянул на батюшку: правильно ли он сделал.

– Обои пуговики, – подсказала Вера Ивановна. – И пинжачок.

– Да-да, – благодарно затряс головой Женя и справился со второй пуговицей. Отец Валерий отер лицо вафельным полотенцем. К нему подскочила Вера Ивановна.

– Чистое возьми, батюшка. Что ты этой гусиной плотью трешься? Опять личико запаршивает...

– Не твое дело! – проскрипела ведьма. – Своими делами занимайся. Другим не указуй.

Вера Ивановна осеклась на полуслове, отсела на дальний край стола.

– Вот так, вот так, – прошамкала Шура, – не балуй, а то

ишь раскомандовалась...

– Татьяна, что ты волнуешься по всякой ерунде? – одоб- рительно заметила ведьме женщина с культурным лицом. – Ешь спокойно, не обращай внимания.

– Ладно, ладно, без шума, – расправляя на коленях чистое полотенце, благодушно сказал батюшка. – Здравствуй, Анатолий. Что скажешь?

– Покушать бы, – сказал Толян. – Ну-ка, баба Груш, дви- гай.

Арина Маранцева, сидевшая рядом с Грушей, хотела бы- ло вылезти, уступить место сыну, но Толян одной рукой при- жал мать за плечо, а другой легко, без усилия свез Грушу по скамейке в сторону, уплотняя сидевших в конце стола.

– Мисочку мою... – беспокойно заверещала Груша, про- тягивая руки к уплывающей тарелке.

– Какие трудности, баба Груш? – поинтересовался Толян, накладывая себе и Бабкину винегрет.

– Аринкин петух мово забил, – пожаловалась Груша, не прекращая цапать вилкой проскальзывающую баклажано- вую икру.

– Что ж ты, мамаш, зверей не дрессируешь? – укорил Ари- ну Толян. – От рук отбились.

– Пусть она своего на привязи держит, раз он задири- стый, – вступилась за петуха Арина Маранцева. – Дразни- лись-дразнились – смертью кончилось.

– ...И что характерно, батюшка, – продолжил прерванный

невестно когда разговор носатый бугай, – когда православные рожают, не кричат, а еврейки галдят ужасно.

– Еще бы! – передернула плечами женщина в расшитой душегрейке.

– Э-э... – отец Валерий замыкал, пожевал губами, подыскивая результирующую мысль. – Разумеется.

Толян шепнул Бабкину:

– Регент Дима Сычев. Врач по родам.

– Поешь, поешь, Димочка, – проворковала женщина в душегрейке. – Дайте ему, девочки, салат. Служба впереди такая длинная!

– Матушка, – шепнул Толян Бабкину и громко спросил священника: – А что-то машины вашей не видно, батюшка?

– Э-эа... – нерешительно начал отец Валерий, с некоторой тревогой поглядывая на жену.

– Странно, что вообще-то ездит! – процедила та, отворачивая лицо. – Ты б ее пионерам на металлолом сдал. Хоть какая-то польза.

– Ладно, мать, ты это... Не все сразу. Купим новую.

– Когда?! – Попадья вскочила, с треском выбираясь – за стола. – На том свете?!

Она швырнула вышивание на диван и ушла. В трапезной повисло молчание, только в дальнем углу стола тихо охала Шура.

– Кому сказать, – проворчала Татьяна, – Настоятель храма за сто верст на службу пешком должен. На машину собрать

не могут. В других церквях где какую копейку наслужат – несут священнику. А тут... – Она гневно зыркнула в сторону Веры Ивановны. – Ты ж неграмотная, какая ты староста! Ушла бы по доброй воле.

– Народ переберет, тогда уйду, – пробормотала Вера Ивановна, жомкая скатерть.

– Скоро на тысячелетие собор указ вынесет: священники снова во главе церковей станут, сами кассой распорядиться будут...

– Тетя Тань, пропусти собеседника вперед, – перебил ведьму Толян. – Чего с тачкой, батюшка?

– Заглохла, – виновато сказал отец Валерий.

– Делов-то! Где ключи? Сейчас с Вованом поглядим, он разбирается!.. Заведем, пригоним, нет вопросов, куда она, на хрен, денется! Извиняюсь, бабы. – Толян хлопнул по плечу Бабкина, выбив брызги – девушка в дымчатых очках вытерла щеку.

– Кочегар наш новый, – всунулась Вера Ивановна. – Не пьет, не курит... Русский.

– Очень приятно, – кивнул отец Валерий, выживая – под ряссы ключи.

– Это хорошо, а то истопника найти никак не можем. А вы, случайно, не «Автосервиса»?

– Пошли, Вован, машину пихнем!

– До свидания, – кивнул Бабкин, выбираясь – за стола.

– Ты приходи потом-то, – забеспокоилась Вера Иванов-

на, – а то скроешься, исчезнешь, а завтра мороза обещали.

– Вы крещеный, конечно? – спросил отец Валерий.

– Да он в Бога верует, я те дам! – Толян стукнул себя в грудь кулаком. – У него вот с разговором напряженка. Заикает.

Бабкин покраснел окончательно и, не поднимая головы, устоялся в фанерный пол, застланный разъехавшимися половиками.

– Он с бабой своей поругался, она его и выставила без выходного пособия, – пояснил Толян. – Он на дачу, у них дача тут, за Марфином. А дача заперта. Ключ у тещи. Короче, Вован с харчей съехал, города скрылся, на завод больше не хочет. У него от чертежей башка пухнет. Вон калган какой. У них завод ракеты делает...

– Самолеты, – шепотом поправил Бабкин.

– Гробанется ракета, не дай Бог, – молол Толян, – Вован в тюрьму.

– Понятно, понятно, – закивал отец Валерий. – Бывает...

А на счет речи можно помочь...

Вера Ивановна ткнулась лицом батюшке в руку – за благословением – и ушла возжигать свечи.

Дима-регент, уставший от невнимания к себе, перехватил священника:

– Папа-то римский что отчудил, батюшка? Собрал в Ватикане на экуменическое богослужение всех кого ни попадя: и евреев, и католиков, муллу пригнал, шаманов разных, буд-

дистов, ламаистов... И давай служить кто во что горазд...

– Диссидент, – подытожил отец Валерий кратко, чтобы не упустить Толяна. – Анатолий, ты мне «Беларусь» с ковшом не достанешь на пару дней фундамент рыть?

– Нет вопросов! Три двадцать в кассу, чеки мне!

Над папертью горела мощная ртутная лампа. По-прежнему хлопал на ветру пододеяльник и две рубашки протягивали руки к земле. В полумраке за оградой тихо выл привязанный Бука.

– Тут топить-то: подкинул угольку и сиди кури. Курить, правда, в церкви нельзя, не любят. Сто рублей и харч бесплатный. В пост только плохо, жрут как потерпевшие. Ты кобеля в котельной запри, орать будет – не слышно.

– Он п-правда лечит?

– Заикание? Он рак даже лечит. Сегодня вот жалко Лешки Ветровского нет... Кандидат наук в Москве. У него мать раком болела. Батя за нее взялся.

– В-вылечил?

– А то! Когда вскрыли – рака не нашли.

– Зачем вскрыли?

– Как зачем? Померла со временем. Лешка теперь в Бога верит, я тебе дам! С женой даже развелся. В Загорск на заочного попа поступил. Мать есть мать, святое дело! Так что ты не сомневайся – он тебе заикание зараз выправит. Болтать будешь, как я, что слюна на язык принесет. Девки давать станут. Жена полюбит. Оформляйся, пока место не занято.

В понедельник ехай на завод в Москву, расчет бери...

– Могут не отпустить, – солидно предположил Бабкин.

– Отпу-устят, кому ты, на хер, нужен!

3

Бабкину снилась женщина, Валда Граудиня, медсестра рижского дурдома, где Бабкин этим летом безуспешно лечился от заикания, обнимала его своими полными плавными руками и называла осень «бабское лето»...

– Во-овкя!.. Вовкя!..

Бабкин, не открытая глаз, привычно потянулся к полке, где за магнитофоном возле будильника лежали спрятанные от дочери очки. Рука его наткнулась на шершавую стену. Другой рукой Бабкин по-слепому стал нашаривать деревянный заборчик детской кровати, чтобы проверить, сухая ли Танька, но вместо дочери рука его нащупала пустоту.

Бабкин открыл глаза: с обитого фанерой потолка свисала голая лампочка. За лампочкой в углу под иконой мерцала лампадка. Бабкин вспомнил, что он церковный истопник.

В комнату всунулась Вера Ивановна.

– Спишь? Все царство небесное проспидь! Одеись. В алтаре всю ночь огонь горел. Тебя будить не стала, храм сама подтопила, глянь в окно: в алтаре огонек шевелится. Как не спалилось-то?.. Потекло бы на престол, на покрывало, в алтаре пол деревянный.

Бабкин поискал очки, очков не было. Он нагнулся: может, на полу? Очки от резкого нагиба съехали со лба на нос, жнь прояснилась.

Из пасти растворомешалки торчал черенок лопаты. Бабкин покачал его. Лопата не поддавалась.

– Захватился цемент, влагу натянул, – проворчала Вера Ивановна, открывая церковь. – Вот такие работнички у Господа Бога.

Бабкин шагнул внутрь, но это была еще не церковь. По стенам тамбура стояли лавки, под лавками несколько колоколов, в углу мутный полупрозрачный мешок с надписью «Мочевина», доверху наполненный бурыми свечными огарками, похожими на креветок.

– Старая чума... – ворчала Вера Ивановна, не совладав со следующим замком. – Ну-ка покрути.

Бабкин открыл замок, пропустил вперед старосту и вошел сам.

Две недели Бабкин числился истопником, а в самой церкви ни разу еще не был: на буднях церковь закрыта, а в выходные постеснялся зайти – в угле весь, грязный, потный...

Вера Ивановна шмыгнула направо в угол, где стоял большой сундук, над сундуком висела грамота: «Дана Князевой Вере Ивановне, старосте Покровской церкви села Алешкина Московской области, в благословение за труды во славу святой церкви...» * Вера Ивановна присела на сундук, подперла голову рукой.

– А зачем мы сюда пришли, не помнишь?. Бабкин пожал плечами.

– Откуда это? – Он кивнул на грамоту.

– Кагор надо проверить, вот что, – Вера Ивановна открыла сундук. – Вызвал меня в Москву митрополит, думала, может, денег даст. Нет – дал грамоту.

Над царскими воротами ближайшего к сундуку алтаря среди икон Бабкин узнал «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи.

– Это н-не икона.

За спиной хлопнула крышка сундука.

– Пальцем не тычь. А то я не знаю. Картинка. Тут много икон поъято. Какие раньше за вином ушли от позапрошлого батюшки, прости его душу грешную; какие в этом годе лихоманы уворовали. Собаку привели, собака понюхала, а что толку? Батюшка наш и не печалится особо. Новых, говорит, икон ребята нарисуют, богомазы, лучше старых. Чем болтать, иди огонь туши.

Бабкин с опаской шагнул на забранный ковровой дорожкой амвон центрального алтаря и толкнул указанную старостой дверь.

– Ты точно крещеный? – заволновалась Вера Ивановна.

– Точно, – сомневаясь, кивнул Бабкин.

Он шагнул в алтарь. Сердце застучало, хотя школы и вечернего института Бабкин знал, что Бога практически нет.

Иисус Христос, нарисованный на матовом стекле в полный рост, в белом хитоне, раскинув руки, внимательно следил за действиями Бабкина.

Бабкин на цыпочках бесшумно подкрался к престолу – мраморному кубу, покрытому парчовым покрывалом, – ти-

хонько задул лампадку в огромном семисвечнике. Потушенный фитилек задымился, дымок спирально потянулся вверх. Перед семисвечником под стеклянным колпаком стоял бронзовый ящичек старинной выделки.

– Вовка! – крикнула в открытую дверь следившая за ним с амвона Вера Ивановна. – Ничего не трог на престоле! Выходи давай! Ковчег, гляди, не трог – там дары святые!

Бабкин напоследок оглядел алтарь. На стене у окна рукомоийник, такой же, как в трапезной, письменный стол, заваленный книгами, покосившийся платяной шкаф, одна створка закусилла обтрепанный, шитый золотом подол ры. Он вышел алтаря.

– К иконе приложись. Бабкин замялся.

– Я, к-когда договор в исполкоме оформлял, сказал: не буду в обрядах п-при-нимать...

– А кто тебя принимать просит? К иконе приложись и не принимай. Бабкин поцеловал босые облупившиеся ноги указанного ему мрачного святого.

– Сделал бы ты еще, Вовка, доброе дело. Починил бы свет на клыросе. – Вера Ивановна пошатала лампу на складкой ноге, привинченной к аналою. – Телепается туда-сюда!..

Такая же лампа была у жены Светланы для печатания на машинке, только у Светланы финская, а эта отечественная, с зеленым конторским колпаком. Светлана работала машинисткой-надомницей, несмотря на высшее образование. Работать она умудрялась почему-то только вечером, когда Баб-

кин с головой, распухшей от заводских чертежей, притаскивался домой. Не раз он малодушно мечтал сломать пишущую машинку, несмотря на стоимость в четыреста рублей.

– Инструмент надо, – солидно сказал Бабкин.

– Им бы только отпеть свое, а там хоть трава не расти, – бормотала Вера Ивановна. – И батарея у того алтаря капает... Таз подставляю. У меня ведь и ключ есть на батарею, зубастый такой... А дров, Вовка, больше в батюшкин дом не носи! Одной мокроты нанес вчера, я все назад сволочила. Женя-артист придет, наносит. Ты за котлами надзирай. У старого котла колосники прогорели, топи не топи... Батюшка-то не больно беспокоится, все бы только блеск навести, а от того блеска сердце чернеет...

– Есть кто? – раздался в притворе полупьяный веселый бас.

В дверях топтался здоровый мужик в праздничном костюме, с галстуком.

– Покойницу привезли... Батюшка здесь?

Вера Ивановна, вытирая руки о халат, деловито направилась в свой угол.

– Чего ему здесь делать на неделе? – проворчала она, доставая ведомость. – Дома отдыхает. В субботу будет.

– Понял, – кивнул мужик. – Значит, пускай она тут пока полежит?

– Ты что? Как я ее до субботы беречь буду?! Пошлем батюшке телеграмму, пусть приезжает отпевать... – Вера Ива-

новна сунула мужику лист бумаги. – Пиши имя, фамилие, сколько лет, возраст...

– Мое?

– На кой мне твое? Ее пиши, покойницы.

– Колюбакина Антонина Егоровна, – старательно, по складам пронес мужик, заполняя нужную графу.

Вера Ивановна медленно выпрямилась и зловеще взглянула на мужика.

– Какая Колюбакина? Тонька?

– Тетя Тоня.

– Так она ж полмесяца назад померла. Если не больше.

– Почему? – удивился мужик и протянул руку к двери, как бы прывая покойницу подтвердить. – Позавчера! А тогда у ней первый удар был. Да вон она, тетя Тоня, поди проверь.

Вера Ивановна не стала дослушивать, вышла церкви. Вернулась недовольная.

– Не может эта Тонька без проказ!.. Молебен полным чином?

– Как положено.

– Двадцать рублей.

Мужик полез за деньгами. Вера Ивановна обернулась к Бабкину.

– У тебя мотоцикл не балует, на ходу? Ехай к Катерине на почту, пошли батюшке телеграмму или позвони. А лучше ехайте в Москву вместе, разом и свечей купите. Пока погода, пока дорога, хоть дело сделаете. Покушай мигом и ехай, а то

потом батюшка деньги побегит зарабатывать, не застанешь.

В трапезной бормотала Шура. Она поклонилась Бабкину и продолжала крошить яйцо в миску с молоком.

– Вот мужчина обходительный, всегда и покушать предложит, и бранного слова не услышишь... Влиятельный мужчина... ох, ох... Белток сама покушаю, а желток отдам кисе... Спасибо вам за ваше добро...

– Чего? – не напрягаясь спросил Бабкин, Шуру он давно уже слушать перестал. Но и Шура не слушала Бабкина.

– Сегодня уезжаете, больше не приедете? – с непонятной надеждой, не вяжущейся с предыдущим воркованием, заулыбалась она. – В городе хорошо... На праздник потретов нарядут... Все со шпагами выступают, военный парад...

В трапезную вбежала Вера Ивановна с деньгами в руках.

– Деньги большие, спрячь на теле. И рыбы кошкам купи, а то они вон с ног валяются. Колбасы себе возьми сухой, рулон. По одиннадцать.

Бабкин завел мотоцикл. Из-за церкви выскочил Бука и понесся к нему. Вера Ивановна на всякий случай прихватила подол.

– Запер бы кобеля.

Бука подлетел к Бабкину, но, как всегда, по дурости не успел вовремя сбросить скорость и боком стукнулся о его ноги. Бабкин почесал Буку за ухом.

– Не надо з-запирать. Пусть так.

Вера Ивановна распахнула ворота. Бабкин крутанул газ.

– Стой! – вдруг крикнула Вера Ивановна. – Картошки мешок возьми батюшке!

Катерина Ивановна сдавала смену на коммутаторе.

– В Москву позвонить не желаешь?

– Д-дорого?

– За бесплатно. Номер в Москве? – 152-38-46.

Катерина Ивановна протянула ему трубку.

– А-ало!

– Мой папа Вова? – ясным голосом спросила Таня.

Бабкин понял: не надо было звонить, потому что сказать он ничего не сможет. Заклинило.

– Т-таня? – с трудом вытолкнул он. – Ты... босиком?

– Босиком... Мамочка в магазин ушла... А у тебя уши мерзнут? У Буки тоже, что ли, мерзнут?

– Д-до свидания, Таня. – Бабкин положил трубку и закрыл глаза, почувствовав лютую одинокость и подступившие слезы.

– Позвал бы жену-то, – посоветовала Катерина Ивановна, – Все равно помириться, чего друг дружке нервы рвать?

– Слышь, Кать, – сказала сменщица, регулируя наушники по голове, – а Магомаев-то сейчас в браке, не знаешь?

– Да у него Синявская Большого театра.

– А чего он тогда все воет: «Прощай, прощай...»?

4

Возле храма в Сокольниках Бабкина чуть не смял тра

– Я маму твою!.. – начал было усатый в кепке, выкинув в окно волосатый кулак с перстнем, но, заметив на заднем сиденье женщину, пресекся.

– Грузин, – сказала Катерина Ивановна. – Тоже за свечами приехал. Ты вот что. Пока я все выпишу, ты к бабушке поезжай. Картошку отвезешь и про покойницу скажешь.

...Бабкин переложил мешок с картошкой на другое плечо и позвонил в нужную дверь. Дверь открылась.

– Здравсьте, – сказал Бабкин и оторопел: перед ним стоял певец Александр Малинин, даже коса такая же. Бабкин хотел было заглянуть сбоку: у Малинина еще серьга должна быть в том ухе, – но мешок мешал зрению.

– Отец, к тебе! – крикнул через плечо парень. Серьги не было.

– Пусть подождут! – донесся глубины квартиры недовольный матушкин голос. – Он обедает!

– Подождите, – незаинтересованно сказал парень, оставляя Бабкина в прихожей.

Бабкин послушно стал ждать, только мешок перетасил на другое плечо, поставить на лакированный пол не решился.

Отец Валерий стремительным шагом, вышел в переднюю, отряхивая на ходу бороду.

– Э-э, здравствуй, Владимир! – потирая руки, сказал он.

– Здрасьте, – буркнул Бабкин, пряча глаза. Ему было неудобно видеть батюшку одетым не по религии: ковбойка, джинсы... Как будто перед Бабкиным стояла полуодетая женщина. – Картошка вот, Вера Ивановна...

– Э-э... очень прекрасно, – с неожиданным ускорением после долгого «э-э» поблагодарил священник. – Ты на мотоцикле? Мешок-тоними.

Бабкин знал, что у него у самого неприятный взгляд: то ли глаза друг от друга блко, то ли глубоко посажены. Но у батюшки с глазами было еще хуже. Чуть прищулив один глаз, склонив голову набок, он сверлил Бабкина, как учитель двоичника. Как будто Бабкин уже наврал выше крыши и намерен врать дальше. И вот сейчас, с мешком на плече, в очках, закиданных дерюжной трухой, Бабкин вдруг понял, что отец Валерий все время чего-то боится и все время в себе не уверен... Точно так же, как и он сам, Бабкин. Бабкин поставил картошку в угол.

– За свечами мы. С Катериной Ивановной.

– Чтоб она сдохла! – донесся матушкин голос.

– Прекрати, мать! – крикнул батюшка, но так, чтобы матушка не услышала. И добавил погромче: – Поставь нам чайку!

– Сам поставь, я гобелен вышиваю.

– Борис! – позвал отец Валерий сына. – Иди познакомься.

– Не трожь Борю! – отозвалась матушка. – У него через

час обедня.

– Не надо, – замотал вспотевшей головой Бабкин. Ему очень хотелось в туалет, но проситься было совестно.

Послышались шаги, в прихожую вышла Ариадна Евгеньевна.

– Ну что ты человека задерживаешь, отец? Пусть едет.

Вязаная юбка на матушке сзади была длинней, чем спереди. У Светланы тоже так задиралась юбка во время беременности.

– Ты, э-э... поздоровайся, – посоветовал отец Валерий же-не.

Ариадна Евгеньевна метнула в мужа презрительный взгляд и, уведя лицо в сторону, процедила:

– Здравствуй.

Бабкин кивнул и, используя кивок, внимательно оглядел Ариадну Евгеньевну: нет, не беременна. Да вроде и не по возрасту. Хотя Софья Андреевна Толстая чуть ли не в семьдесят лет рожала? Бабкин вспомнил почему-то, как недавно по «Голосу Америки» папа римский запретил верующим пользоваться противозачаточными средствами.

Катерины Ивановны на месте не было. Бабкин вошел в с Храм был пустой. В дальнем углу строгий молодой священник отпевал дешевый гроб. На правом клиросе репетировали женские голоса. Один голос был знакомый. Бабкин остановился у колонны, заслушался. Потом голос оборвался, и с клироса по ступенькам легко спустилась высокая, чуть пры-

щавая девушка в платочке и дымчатых очках, опустив глаза, бесшумно прошла мимо Бабкина. Бабкин узнал: на нее орала матушка в трапезной, когда Толян привел его устраиваться истопником.

– Л-лена! – негромко крикнул ей вслед Бабкин.

Девушка остановилась.

– Вы теперь здесь р-работаете?.. Я Бабкин, истопник в Алешкине.

– Здравствуйте, – девушка улыбнулась, смиренно прижав руки к груди.

– А мы за свечами приехали.

– Как Вера Ивановна себя чувствует? Бабкин пожал плечами:

– Не знаю.

– Она ведь не скажет. В прошлом году молчала, молчала, чуть не умерла. Как осень, у нее астма начинается. Ей нельзя топить котлы, угольной пылью дышать. Не позволяйте ей, пожалуйста. Кофе пусть не бережет, я ей еще... пришлю, ей полезно.

– Вы больше совсем не приедете? – вдруг выкрикнул Бабкин, и даже без заикания. – Совсем?

– Совсем, – ответила Лена тихо, но твердо. – Не приеду.

Она постояла молча: может быть, Бабкин захочет еще что-нибудь сказать,

– но сказать Бабкину было нечего.

– Простите, – опустив голову, сказала девушка, – мне надо

идти. – И боком, чтобы не повернуться к Бабкину спиной, скрылась за колонной.

Катерина Ивановна ждала его возле мотоцикла.

– Отвез картошечку? Ну молодец. Им бы еще свеколки подвезти, морковки, а то, бедные, совсем с голодухи пухнут! грузиться.

Пока грузчики носили в люльку мотоцикла шестигранные упаковки свечей, Катерина Ивановна справилась у мордатой кладовщицы, когда будет ладан – натуральный. Та лениво ответила, что розовый ладан не поступал, есть только зеленый – химический.

– Все, мамаш, – сказал грузчик, – десять пачек. Ладан будешь брать? Катерина Ивановна поморщилась.

– Ну давай два кило... Не ладан, я не знаю, прям как шампунь. Ничего божественного. А по сорок рублей.

Грузчик положил в люльку зеленовато-желтый обломок, похожий на мыло.

– Два кило.

– Восемьдесят рублей? – не поверил Бабкин.

– А то! – ухмыльнулась Катерина Ивановна. – И свечи – упаковка по сорок рублей, и уголь для кадила – таблетка пятачок.

Сзади гуднул грузовик с ленинградским номером.

– Ты знаешь, где метро «Щербаковская»? – забираясь на заднее сиденье, спросила Катерина Ивановна. – Надо нам одним разом уж и в управление заехать, отчет сдать. Узнать,

сколько на Афганистан в этом году.

– Афганистан вроде кончился, – неуверенно пробормотал Бабкин, заводя мотоцикл.

– Другое чего-нито началось. Поехали!

Возле телефона-автомата Бабкин вдруг резко затормозил.

– Про покойницу сказать забыл, – испуганно оглянулся он, – Про Колюбакину.

– Про Тоньку-то? Позвони, какая беда.

Пока Бабкин дозванивался, Катерина Ивановна рассматривала фотографии киноартистов, выставленные в газетном ларьке.

– Вон этого покажите, – попросила она старика киоскера. – Нерусского.

– Джигарханяна? – старик положил фотографию на газету.

– Почему? – спросила Катерина Ивановна, берясь за фотографию.

– Не хватайте! – проворчал киоскер – Руки грязные.

– Подавись ты своим Жихарганяном! – Катерина Ивановна обиженно кинула артиста на прилавок.

Светлану, жену Бабкина, год назад выгнали очень русского журнала за то, что она смертельно обидела любимого журналом автора – исследователя убийства царской семьи, вложив в его рукопись положительный отзыв некоего Соломона Фукса.

Светлана на службу больше не рвалась, со вкусом распо-

ложились дома, печатала, а Бабкин по вечерам после работы стал мести школьный двор, возмещая потерянную женой зарплату. Дворником по совместительству он числился и по сей день.

Поэтому Бабкин, вместо того чтобы свернуть за эстакадой на проспект Мира к «Щербаковской», блудливо шмыгнул через проспект к Савеловскому, где проживал еще две недели назад.

Светлана ъеденной под корень метлой скребла мокрый асфальт школьного двора, заваленный тяжелыми пожухлыми листьями. Бабкин далека объехал школьный

– Нам же не сюда надо, – удивилась Катерина Ивановна. – Это «Щербаковская»?

– Ж-жена, – буркнул Бабкин, кивая на, Светлану, загороженную стволами школьных яблонь.

В Управлении по делам религий, конечно, был обед. Катерина Ивановна лопотала что-то, словно репетировала предстоящий разг Бабкин, переживая за жену, задремал. Наконец в приемную вошел хорошо одетый важный старик и взялся за ручку двери с табличкой «Лихов И. П.».

– Ой, здравствуйте, Иван Петрович! – тонким, не своим голосом пропела Катерина Ивановна.

Лихов обернулся.

– Не вызывал. Кто это с тобой?

– Истопник наш, – замельтешила Катерина Ивановна. – За свечечками ездили, картошечку батюшке завезли на зиму,

как хорошо деревенской картошечки покушать... Это Володенька наш, парень молодой, сильный, все помощь нам, старухам, спаси Христос!

– Да не прибедняйся! – нахмурил брови Лихов, – На вас воду возить можно! В церкви у себя по сто раз лбом в пол стучитесь, а я вот и разу не выгнусь!

– Вам мухоморной настоечкой надо спинку помазать. И – как рукой! Я привезу. Или вот Володенька привезет. На днях и доставит... А сколько мы в этом году на мир перечислить должны?

– У секретаря спроси. Уладили с бабушкой или по-прежнему конфронтация?

– Уладили-уладили, – мелко закивала Катерина Ивановна. – Перестройка у нас.

– Ишь ты! – усмехнулся Лихов. – Выучили. Все вы одним миром мазаны. А вот вы, молодой человек, знаете, почему так говорят: одним миром?.. Надо знать, если в храме работаете. Мирю варится раз в четыре года. Патриарх варит. И сваренное миро добавляет в остатки старого. Перпетуум-мобиле. А что такое перпетуум-мобиле?

– Я инж

– Как инженер?!

Катерина Ивановна гневно зыркнула на Бабкина.

– Да он у нас, Иван Петрович, временно... потопит пока немного... Он отпуск взял... за свой счет... А бабушка его отчитывает... у него с речью плохо...

– Надо бы к вам с ревией съездить! – покачал головой Лихов. – Совсем от рук отбились. Со священником воюют, инженер в истопниках! Тунеядец небось? Или правда больной?

– Больной, больной! – усиленно закивала Катерина Ивановна. – Его батюшка от заикания отчитывает, вот выздоравливает... – Она повернулась к Бабкину и заискивающе улыбнулась. – Скажи чего-нибудь, Володенька. Иван Петрович слушает.

Бабкин покраснел.

– Ч-его г-говорить-то?

Лихов понимающе кивнул.

Катерина Ивановна обрадованно всплеснула руками и, почуввав слабину в поведении начальства, рванулась вперед.

– Нам бы сигнализацию в храм или телефон. Ограбят опять, не дай Бог, до милиции не доберешься. Храм-то все ж памятник.

– Сами не разворуете – не ограбят! Вы отделены, церковь действует, сами охраняйте. Все. А почему ваш храм памятником архитектуры стал? Это все Шадаев ваш прежний выдумал! Зря его не посадили, посадить надо было, к чертовой матери! А не во Францию пускать. Ладно. Все. Мне работать надо.

– А мы отчетик привезли, не глянете?

– Отчет?

Лихов поморщился, вошел в кабинет, сел за стол.

– Так. – Он нацепил очки. – «Всего поступило за отчет-

ный год семнадцать тысяч триста рублей...» Мало поступило. «От исполнения обрядов...» Так... «От тарелочно-кружечного сбора...» – Лихов поднял глаза на Катерину Ивановну и задрал очки. – Это что ж, добровольных пожертвований всего на семьсот восемьдесят целковых?!

Катерина Ивановна печально развела руками и даже шмыгнула носом.

– Помолчи. – Лихов снова уткнулся в отчет. – «Израсходовано за отчетный год пятнадцать тысяч. Добровольные отчисления религиозному центру две тысячи триста. Добровольные отчисления в фонд мира триста рублей...» Жметесь вы на мир! – Лихов снял очки и погрозил пальцем. – Жметесь! Ну уж мы вам в этом году!..

– Коммуняка блядская! – прошипела Катерина Ивановна, когда они вышли в кор – Вошь подретузная. Всю религию нам опаскудили! Всю веру уродовали! Отольется вам, гады!..

– Мне п-позвонить надо, – сказал Бабкин.

– Из деревни позвонишь, доехать бы засветло.

5

– ...Теперь мужа найти не просто, – прокисшим голосом бубнила в трубку свекровь. – Володя, может, не красавец. И речь плохая, и глаза слабые... Очки-то от книг, не просто так. Да ведь и ты сама не райский подарок. Да плюс ты снова в беременности. Рожай теперь в одиночку...

Свекровь хотела еще добавить что-то для концовки, но властный бабий голос вступил в разговор:

– Але, але, междугородная вызывает, ответьте!

– Трубку положите! – выкрикнула Светлана. Свекровь отсоединилась. – Да-а!.. Бабкин сделал паузу, отдышался и начал речитативом в одной тональности, как учили в рижском дурдоме:

– Светлана будучи поставлен в экстремальные обстоятельства я вынужден был уйти дома отныне я живу в сельской местности работаю в кооперативе, но готов тебя простить и вернуться если...

– Пошел вон! – перебила его Светлана. – Понял?

– П-понял, – послушно шепнул Бабкин.

– Разговор окончен, – вмешалась Катерина Ивановна, услышав в наушниках, что дело зашло не туда.

Вернувшись с почты, Бабкин заперся в котельной. Бука лежал у его ног и вздыхал, а он сидел на перевернутом ведре и тихо выл, как ребенок. Когда он сморкался, Бука преду-

предительно вздергивал тяжелую башку и начинал тихо постанывать. Бабкину стало неловко плакать при Буке. Он откинул дверной крючок и легонько пнул собаку ногой.

– Ид-ди отсюда.

Но Бука не ушел, только перелег на другое место. Бабкин забрался в загон для угля в углу сарая, где у него было оборудовано второе спальное место. Котлы мерно шумели, капал насос; Бабкин, не переставая плакать, накрылся с головой грязным одеялом, задремал.

Это дополнительное логово – под самым клиросом – было его любимым. Сюда он переселялся в дни служб, когда мужская комната в трапезной переполнялась. И странное дело: здесь, в вонючем, закопченном подземелье, он чувствовал себя гораздо лучше, чем наверху, на воле. Особенно хорошо было здесь засыпать под пробивающийся сквозь каменную толщу кладки чуть слышный церковный Бабкин заснул спокойно, не ворочаясь, как обычно, уложив руки под щеку. Чуть погодя, осыпая уголь, к нему перебрался Бука и привалился мерно дышащим теплым боком к ногам...

Разбудила его Вера Ивановна.

– Ну что ж ты, чадо неудельное, в грязи валяешься? Иди по-людски поспи, я тебе свеженькое постлала. В трапезной пусто. Шуру выгоню, если мешает.

– Н-не мешает, – сказал Бабкин. – А сколько времени?

– Время вылезать отсюда. А рожа-то чего у тебя? Жене небось звонил?

– Я с ней разведусь.

– Разведусь... – передразнила его староста. – Жопа об жопу – кто дальше отлетит? Куда ж ты от нее разведешься? – Вера Ивановна поплюнула конец косынки и потеряла Бабкину закопченные щеки. – У тебя от ней дитя. Тебе бы приспособиться. И не звони без толку. Сиди здесь, время выжди, пока все позабудется... Денег ей пошли. Без письма пошли, просто денег. Раз пошлешь, два пошлешь – будет как малинка. Бабы деньги любят. До Пасхи все печали замарует, занесет, следа не останется. Начнете заново... Она красивая?

– Н-не очень.

– И хорошо. От красивой морды семье непокой. Бабы-то все глупые, одинакие. Их поменьше слушать надо, внимания обращать. Только если захворает. Вставай-подымайся. Хочешь, кофу сварю для успокоения, попьешь

– и заснешь, как ангел.

– Не надо.

– Тогда для разминки к Пузырю сходи, мухоморной настойки возьми – Лихову отвезешь, пропади он пропадом!..

Пузырем Вера Ивановна называла Петрова, жившего в деревне ветерана и инвалида, за его красное, отечное, без единой морщинки лицо. В Москве, в ветеранской поликлинике, к которой он был прикреплен, когда еще жил в городе, ему неоднократно прописывали лекарство – гнать мочу, тормозившую работу сердца и легких. Петров начал было лечиться: сбавил лишний вес, задышал легче, но сразу же потерял

гладкость лица, которой так гордился, и наотрез отказался от вредного лечения.

На стене бывшего пожарного сарая висели почтовые ящики. Все ящики были облупленные, мертвые, кроме одного, выкрашенного в белый цвет, с жирной надписью суриком «Петров». Из щели торчала «Красная звезда». Бабкин вытянул ее.

На калитке Петрова висела фанерка «Я дома». Бабкин постучал.

– Заходи! – крикнул Петров с крыльца. – Тоню-то Колюбакину отпели или все в церкви зимует?

Бабкин протянул ему газету.

– В церкви.

Петров, пристроив ручку клюки за стык телогрейки, развернул газету, по-прежнему стоя на крыльце, как бы раздумывая, в зависимости от содержания прочитанного: пускать Бабкина в бу или воздержаться.

– Ох мы с ней, бывало! – глядя в газету, сказал Петров. – Она мне яичницу на одних желтках как затеет!.. – Он строго поверх очков взглянул на притихшего Бабкина. – Я яички жареные очень уважаю. И супчик курячий. – Он опустил глаза в «Красную звезду», – К ней все поварюга МТС подбирался. Песни песнячил. Я как-то прихожу – он поет. Поглядел, поглядел на поварюгу да в окно и вытряхнул! Ухо выбил... Чего стоишь? Заходи. – И клюкой распахнул дверь.

В сенях возле стола, заваленного калиной, на лавке су-

шилась перевернутая пустым брюхом вверх расщеперенная шкурка нутрии.

В комнате было тепло. У печки булькнула трехведерная бутылка с вином, бульк по резиновой кишочке отозвался в молочной бутылке с водой.

– Самоделка, – пояснил Петров. – Рябина черная плюс яблоки.

На включенном телеворе стояли электрические часы: зеленые цифры превращались одна в следующую.

– Они еще температуру воздуха показывают и давление погоды, – сдержанно похвастался Петров, придвигая клюкой стул для себя и табурет для Бабкина. Руками он старался ничего не делать, как будто брезговал прикасаться к вещам. – Часы – награда мне вместе с орденом. Из Москвы привез. Без завода работают. От резетки. Глаза-то протри, запотели.

Бабкин послушно протер очки.

– Зачем пришел? – строго спросил Петров.

– Вера Ивановна настойку мухоморов просила.

На экране телевора шла война. Фильм был с субтитрами. Петров, забыв вопрос, ткнул клюкой в экран.

– Вот тебе полезно смотреть. Специально для вас снимают – с надписями.

– Я не глухой.

– А чего ж очки носишь?.. – Он достал буфета темную бутылку и две стопочки. Тем временем на экране под выстрелами упали люди. Петров хлопнул пухлым кулаком по столу

– стопки подпрыгнули.

– Кто ж так в бою падает?! Если на пулю налетел, так на нее и лягешь. А эти вон, как бабы, на спину – брык! И при расстреле – на пулю. Когда дезертиров стреляешь, всегда они на пулю, «...приговорить к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового у осужденного...» Чего говоришь?

– Вас – тоже в грудь?

– Если мне взрывной волной зубы вынуло, значит, спешит. И руки немеют, перчатки вынужден. И контузия... В грудь схватил – на пулю навалился, забыл, что ль?

Бабкин онемело подался от старика.

– Я... Я тогда еще н-не родился!

– Не знаю, не знаю... Значит, врал, – подытожил Петров. – Поймай, погоду передают. Запомни мысль.

Он дослушал погоду, поднял стопку.

– За Казанскую. Божию Матерь! Икона такая. В Бога не верю, ибо коммунист, а в эту верю. – Петров выпил. – А почему так? Тоже скажу, чтоб во всем была ясность. Значит, под Бреславой у нас войско выдохлось. Приехал командующий. И епископ со всей челядью. Шапки долой, строиться. И епископ молебен – полным чином перед строем. Впереди пули мечутся, а он с иконой со своими ребятами знай кидлом машет. Меня командир к попам приставил, чтобы без толку по передовой не шаршились. Епископ меня благословил. Вот жив я. Ты лапшу возьми для кобеля – на крыльце.

Банку ополоснешь – вернешь.

– Вера Ивановна мухоморной настойки просила, – напомнил Бабкин.

– Ну и что? Дам. Стой здесь, никуда не ходи – она у меня в навозе греется.

...После войны Петров в деревню не вернулся, лежал в Москве контуженный на квартире у дочери. Ни руками, ни ногами, ни мозгами не ворочал. А в пятьдесят шестом, когда начали громить Сталина, неожиданно включился, наверное, – за негодования. Жить ему в Москве стало невыносимо, и он выехал по месту рождения, на свежий воздух. Устроился Петров в пионерлагерь «Елочка» сторожем, то есть комендантом, короче говоря, начальником. Летом, во время пионеров, он наблюдал в лагере за порядком, остальные три времени года понемногу разворовывал его, помогая церкви. Летом, когда крупногабаритную помощь религии – доски, стекло оконное, цемент – трудно было вывезти лагеря, Петров переключался на мелочь: гвоздей полпортфеля принесет, пяток тарелок, клейменных «Елочкой», пару шпингалетов...

Вместе с Петровым в бу вошли два милиционера с овчаркой.

– Этот, – Петров показал на Бабкина, – истопником в церкви служит. Чужих нету.

– А Маранцев где?

– А кто его знает. Может, дома. Проводить?

Над загаженным столом в бе Толяна висел китайский фонарик. На подоконнике попискивал детекторный приемник, работая сам по себе, без электричества, – свет у Толяна был отключен за неуплату.

Сам Толян спал на полу.

Петров ткнул распростертое тело клюкой.

– Гадости нажрется и валяется как ошалелый. Хоть бы вы его к делу приспособили. Стадо взялся пасти в Кошелеве, Франца подменял, так коровы молока лишились.

Милиционеры молча побродили по бе, заглянули в подпол и уехали на желтом «газике».

– Опять с Можайки кто-то сбежал, – сказал Петров.

Убежал Александр Хромов продуманно: пока не кинули на этап, не обрили, не отобрали одежду, на октябрьские – до холодов. И случай подвернулся: у солдат в клубе ночью телек цветной полетел, как раз посреди праздничного концерта. А Хромов когда-то, еще до первой посадки, халтурил в телеателье – антенны на крыше устанавливал. Он и вызвался починить. И починил: как раз Евгений Петросян хохмы начал гнать про советскую власть. Конвой, сам уж пьяный в лоскута, на радостях налил и Хромову. Хромов выпил, закусил, посидел и попросился в туалет.

Оттуда и ломанулся: через окно.

Далеко не побежал, неделю отсиживался в загаженном подвале собеса, прямо рядом с клубом. И ночью потихоньку лесочком потопал в Москву. Подкрепился на ближайшей дачке, разогрел на плитке ржавую консерву, чайку вскипятил, варенья покушал. Прихватил с вешалки какую-то ерунду: телогрейку, плащ болоневый – и двинул.

В этот раз Александр Хромов сел сдуру. Тогда хоть драка была, а тут... Аванс получил, слегка поддали. На подвиги повело: зашел к бывшей своей профуре. А у той гульба полным ходом: молодая шпана с Цветного, кир, музыка... Сверху и сну стучали соседи, но праздник шел полным ходом. Пауза наступила, когда в дверь позвонила милиция. Пока хозяй-

ка кочевряжилась, не желая открыть, кто-то молодой шпаны схватил со стола чекушку с уксусной эссенцией, которую добавляли в винегрет, и, приоткрыв дверь, плеснул в щель.

Александр Хромов сквозь хмель понял, что все: теперь жена узнает, что он был у бляди. Хозяйка спяну материла затихшую за дверью милицию, молодая шпана куражилась, кто-то выключил свет... Александр Хромов забрался на подоконник за пыльную занавеску.

Потом дверь выломали, ворвавшиеся милиционеры скоренько мордовали до лежачки молодую шпану, покидали в машину, и тут один ментов забежал в комнату за утерянной фуражкой. За мгновение перед тем Хромов расслабился, выдохнул приторможенный воздух – занавеска колыхнулась, милиционер цапнул кобуру и шагнул к окну. Хромов видел: дверь открыта. Он прыгнул с подоконника и убежал бы, если бы не портвейн, перемешанный с водкой и пивом.

Хромов пал на колени, как будто молился Богу.

И тут милиционер в упор в спину застрелил его.

Задохнувшись вдруг, Хромов схватился за сердце, рука стала красная, но кровь не текла, не капала, а свертывалась комочками. Он кротко спросил, как в кино: «За что?» и уплыл в бессознание...

Первую ночь Хромов не спал, шел, в собесе отоспался. А на вторую расположился в лесу, как турист, наломал лапника, болонью сверху, сам в телогрейке, балдей не хочу, дави ухо. А проснулся в слякоти, припорошенный поганым мок-

рым снежком. И заколотило, затрясло, раскашлялся на весь лес, всех зверей переполошил; забыл Хромов, что теперь он рахит неполноценный без одного легкого. И, накашлявшись вволю, опершись бессильно спиной об осину, понял он, что далеко ему не уйти, дышалка никуда, чуть порезче шаг – и пошел бархат на весь лес, как чахоточный. На пикет нарваться – пара пустых. Заметут.

...Прозрачная паутина липла к лицу. Хромов обирал ее и озирался. Весь перелесок был проштопан прозрачной канителью.

Хромов медленно плелся по сырому, простуженному лесу, задавив рот обеими руками. Раза два он уж совсем готов был передневать на дачке попутной, но как только приближался к садовым участкам, обязательно взбредивала чья-нибудь шавка... И он снова валился в холодную, продрогшую мокрядь облетевшего леса...

К вечеру лес неожиданно кончился, за горбатым полем нарисовался подсвеченный желтым электричеством двухкупольный силуэт церкви. Над головой Хромова, тяжело работая крыльями, проплыла преждевременная сова, ломая ветки, влетела в голый орешник и скрылась в перелеске.

На дороге сидела мышь. Издалека Хромов принял ее за комок грязи, но когда подошел ближе, грязь ожила, затыркалась. Хромов поднял ногу, чтобы не раздавить мышь, потерял равновесие и свалился в ледяную лужу.

Возле деревни в полумраке по жидкому полю сновали ма-

шины, развеивая прах, похожий на песок. Как в Москве в гололед. Машина остановилась, кабины вылез угрюмый детина с молотком в руках. Хромов скрипнул зубами от усталости и нездоровья и медленно побрел вперед – будь что будет...

Парень не обратил на него внимания, обошел машину и молотком стал колотить по диску.

– Песок? – тупо спросил Хромов.

– При чем здесь! – буркнул парень. – Пушонка. Раскисляем. – Он ударил молотком по диску еще раз. – Кисли не кисли – одна суглина!

– Закурить не будет? – слабо попросил Хромов.

Парень достал пачку «Беломора», безуспешно попытался выбить ее папиросу, а потом, матерясь, оторвал полпачки и сунул Хромову.

– Спасибо, – сказал Хромов и чуть ли не поклонился, тошно было, что подумал про человека плохое.

Темнело. Хромов не спеша покурил и пошел к церкви, заранее предвидя собачий брех. Больше идти было некуда.

Возле камышей, далеко за дорогой копошилось непонятное стадо: звери не звери, овцы не овцы... Хромов поплелся туда, оттягивая деревню. Когда до камышей оставалось метров двести, стадо загомонило, зашумело, захлопало крыльями, тяжело поднялось в воздух и, выстроившись углом, с криком потянулось к Москве. «Гуси, – вспомнил Хромов. – Не туда ломанулись. Им же на юг надо».

Собаки не лаяли, деревенька выглядела запущенно: свет

пробивался только двух маленьких окошек. Он подошел к церковной сграде, ворота были заперты. Побрел вдоль ограды. Из неожиданного пролома наперерез ему с той, церковной, стороны шагнул мужик в шляпе с двумя дымящимися ведрами.

– Заикой сделаешь! – Хромов хотел сказать помягче, а получилось задавленно, хрипло.

– А-а! – выкрикнул мужик. – Б-бука!..

За оградой затрещали кусты, стремительная тень плеснулась по белой стене церкви...

– Зачем? – сдавленно выдавил Хромов и повалился на спину под ударом мощного собачьего тела. И, раздираемый рвотным кашлем, бессильно стал шарить руками перед собой – найти шею зверюги, задушить... Но пес не мешал слабым от кашля рукам его и почему-то тянулся лнуть в лицо.

– Н-не надо!.. Не кусается!..

Бука стоял над лежащим Хромовым, виваясь от дружелюбия.

– Руку дай, – прохрипел Хромов.

Бабкин помог ему сесть. Встать Хромову пока не удалось. Вокруг дымился высыпавшийся ведер вонючий шлак.

– Что ж ты его?.. – Хромов немощно полоснул рукой по воздуху. Потом встал. – На привод надо брать... Там кто? – он кивнул на церковь. – Поп?

– Батюшка завтра б-будет.

– Ты один, что ль, тут? – отряхиваясь, спросил Хромов

прочищенным голосом.

– Староста еще.

Бука радостно бился упругим телом о мокрые джинсы гостя. Хромов почесал его за ухом.

– Твоя собака?.. Ласковая.

– Глупая просто.

– Как воспитаешь, такая и будет. У вас там можно просушиться? Бабкин кивнул.

– А телефона нет? – поинтересовался Хромов.

– Должны поставить.

– Раз должны – поставят.

Вера Ивановна домывала в трапезной посуду. Шура, сложив обиженно руки на животе, сидя похрапывала на диване.

Бабкин вошел в прихожую. Вера Ивановна по звуку определила, что ведра порожние.

– Сколько раз говорено: не ходи пустой! Шлак понес – вернись с углем. Вот и жена-то с тобой не ужилась...

– Тут... вот... – Бабкин посторонился, пропуская Хромова. – К бабушке.

– Где ж я возьму бабушку? – ворчливо отозвалась староста, занятая делом. – Проходите, чего в сенях торчать.

Хромов шагнул в трапезную. Вера Ивановна потянулась через стол за полотенцем, повисшим на спинке стула, и подняла глаза на гостя. «Господи! Лихоман!» Хромов попытался улыбнуться.

– Собачка у вас... уронила... – И закашлялся. На диване

проснулась Шура.

– Ох, ох...

– Садитесь, – как можно спокойнее сказала Вера Ивановна и села сама для прочности. – Вы к бабушке?

Хромов кивнул, не переставая давиться кашлем. Но не сел.

Шура обвела туманным взглядом трапезную, выискивая виноватого в побудке, сползла с дивана, оставив за своей головой темный след на обоях, подплелась к Хромову со спины и легонько постучала по плечу.

– А вы кису мою не унесете?

Хромов дернулся – под ее прикосновения, но не так, как дергаются от неожиданности, а как бы уходя от удара: вн и в сторону. «Лихоман, – твердо решила Вера Ивановна, вспомнив недавних милиционеров. – Бежал с тюрьмы. Деньги отыпать будет».

Но, похоже, лихоману было не до денег. Он тяжело, со свистом дышал; она сама вот так же во время приступа часами не могла отдышаться. И лицо побелело. «Не-ет, отыпать, может, и не будет. Откуда ему знать про банку? Он в ту пору в тюрьме сидел...»

– Где ж ты, милый, так застудился? – Вера Ивановна покачала головой.

– Надо же... Ты пока, чем кашлять без толку, чайку попей. А я таблеток пойду погляжу, может, завалились.

– Не надо! – сказал Хромов, слишком резко сказал.

– Смотри... – Вера Ивановна окончательно поняла: лихо-ман. И как ни в чем не бывало включила чайник.

– Таблетки без толку... бронхит... травматический...

– А ты чего застыл? – Вера Ивановна, обернувшись к Бабкину. – Иди углем занимайся!

Бабкин вышел.

– Бронхит не знаю, а кашель батюшка лечит. Ты чего мокро так?

– Пока искал... А тут эта... Бука ваша...

– Да я не спрашивать, я к слову... Переодежу, говорю, надо, раз болеешь. Зовут-то как?

– Алекс

– Саша, значит. Такой с виду здоровый! Давай-ка я тебе, Саша, рюмочку налью, чтоб не расхворался. Для сугреву.

– Если можно, – кивнул Хромов и покраснел.

– А почему ж нет? – усмехнулась Вера Ивановна, протирая пальцами граненую рюмку. И снова подумала: не знает он про банку. – У престола Божьего все можно верующему человеку. Ты, Саша, верующий?

– Крещеный, – кивнул Хромов.

Вера Ивановна достала буфетного брюха бутылку кагора.

– Никто не пьет, бутылка аж пыльная стоит.

– Ох, ох... Один вино пил, другой вино пьет... – нараспев забормотала Шура, уверенная, что ворчит про себя. – Сказать батюшке...

– Ты поди! Спиной сидит, а углядела, шпион подколод-

ный! – Вера Ивановна от возмущения топнула – половица под ее ногой сыграла, Шура испуганно обернулась. – Како-такое вино? – наступала на нее староста. – Лафитничек плеснула человеку!.. Что ж ты, Шура, такая нехорошая? А? Расселась здесь со своими рубцами!.. Здесь питание! Иди к себе. Закройся и сиди. Вон яблоко возьми – похрустеть от скуки. И на ведро больше не ходи, в туалет ходи. Тут мужчины. Нечего лениться, не зима.

Шура неохотно встала, свирепо зыря на старосту и гостя, собрала свой узелок, сунула туда два яблока и, не переставая бухтеть, ушлепала в дальнюю комнату. Хромов, отключившись, медленно ел.

– Есть кто? – раздался в прихожей ветхий полусшепот.

– Что есть, что нет – все едино. Заходи, баба Груша, чайку попей.

В трапезную, с трудом осилив высокий порог, вошла Груша, крохотная, чуть выше стола, в валенках, в двух платках, в телогрейке, подпоясанной фартуком.

– У тебя какой чай, с хоботом? – спросила она как бы незаинтересованно, подсаживаясь к длинному трапезному столу.

– Может, поздороваешься с человеком?

– Который? – Груша завертела головой, заметила Хромова; – Здравствуйте вам!

– Как дочку спраздновали? – Вера Ивановна пододвинула гостье высокую чашку. Она старалась вести себя как можно свободней – будто и не случилось ничего.

– Куда такую тяжесть, бокал дай. – Груша отодвинула чашку. – Хорошо было, зять высказывался...

Вера Ивановна поставила перед ней стакан.

– Этот без ручки, – просипела Груша, отодвигая стакан. Она высмотрела на столе детскую чашку, клейменную «Елочкой», выскребла нее присохшие опивки.

– Груш, а у Толяна Маранцева отца-то вовсе не было?

– Почему? Было. Тут военные до войны стояли. Наши девки им давали. Толян-то от военного. Арина Маранцева потом еще девочку родила, а потом чего-то он ей не понравился, военный, она его прогнала. Очень уж мужик толстый был. Как Петров. Куда такой... К тебе милиция приходила?

Хромов перестал жевать.

– Делать нечего, вот и шастают, людей теребят! Если убеет, разве он по деревням пойдет себе на погибель? Он в кустах сидит, волосья растит, их же налысо броят. – Вера Ивановна налила Груше чаю.

– Крепкий больно, спать не буду.

– Спать она не будет! – хмыкнула Вера Ивановна, подливая кипятку. – Лишний раз Богу помолишься! Внучка-то вышла замуж?

– Не берет никто, – дую в чашку, прошелестела Груша, – в очках, может, брезгают. Программу «Время» надо не упустить.

– иди тогда, опоздаешь. – Вера Ивановна выбрала корзины две буханки черствого хлеба. – На вон корки – козу по-

морочишь. Расшеперивай фартук...

– «Геркулесу» козляткам надо, – просипела Груша.

– А манны небесной им не надо?

Не успела Груша уйти, дальней комнаты снова выползла Шура.

– Нет чтобы картошек сварить с огурцами... щей с грибами... Ходят, обедают... Будто столовая... Вы надолго к нам или поедете? – жмурясь в улыбке, как китаец, спросила она Хромова.

Вера Ивановна покачала головой.

– Куда ж ты, Шура, на ночь глядя гостя гонишь? Уйди, от тебя человек кушать не может.

Хромов проводил нищенку виноватым взглядом.

– Чего же, пускай...

– Нечего ей тут... Кто знает, может, и не глухая вовсе, зла придуривается. Теперь так: завтра служба. Могут рано приехать.

– Во сколько?

– Батюшка, бывает, и с утра прибежит, если с кем договорился. Он мне не докладывает.

– Утром уйду, – глухо сказал Хромов.

– Утром тебе, Саша, что прогулка, что тюрьма! Понял?

«Так, – устало подумал Хромов, – все знает».

Вера Ивановна прикрыла дверь в прихожую.

– Люди тебя, Саша, видели: Груша, Шура, кочегар наш...

Ты мне одно скажи: за что посадили?

– Ни за что. – Хромов вяло махнул рукой. – Таракан один стрельнул. С перепугу. В спину. А на суде сказали: я с топором напал, а мент мне в грудь стрелял. Как при нападении...

– Так по дыркам же видно, куда влетел, откуда вылетел! У меня муж покойник весь пробитый: куда залетела пуля – поменьше дырка, откуда выскочила – побольше.

– Вот они и сделали побольше, – сквозь зубы сказал Хромов, откусывая сломавшийся ноготь, – Расковыряли на операции...

– Ну-ка покажи.

Хромов расстегнул рубашку и показал шрамы: на груди под соском и на спине под лопаткой – здоровенный, с выбоиной, жомканый. Вера Ивановна покачала головой.

– Умники...

– Я им говорю на суде: разрежьте меня еще раз – внутри-то видно... Я ж до суда не знал толком, думал, разбираются. Очнулся в Склифосовском. Лежу в палате. Домой надо, жена ждет. Приподнялся, а рука к койке прикована, и мент сидит. Думал, пока следствие, потом отцепят... А они уж все придумали...

Вера Ивановна налила ему еще рюмку.

– Коммунистов, Саша, не пересудишь. Навидалась я ихней справедливости.

– А поп у вас как?

– Батя-то? – усмехнулась Вера Ивановна. – Батюшка у нас шустрый: в храм войдет – лампадки тухнут.

– Валить надо, – пробормотал Хромов, глядя в стол, – заложит.

– Не заложит! Какой же он тогда священник? Оставайся. Тебе обогреться нужно...

– В Москву надо... Там мужик один... Академик Сахаров...

– Врач?

Хромов помотал головой.

– Не-е... Бомбу выдумал.

– На кой он тебе? Тебе бы спрятаться... Или в газету сказать... А военный хуже нет. Сдаст властям.

– Да нет, свой это. За права борется. Тоже сидел...

Вошел Бабкин. Вера Ивановна, подводя черту под разговором, встала – за стола.

– Ты, Саша, слушайся меня. Говорю – оставайся, значит – оставайся. Вовка! Погляди переодежу ему. Мокроту сменить. И спать положи в котельной. Чего смотришь? Потеплее там. Простыл человек. Что-то я совсем с вами задурилась, болтаю больше, чем молюсь.

И, выдворив Бабкина с лихоманом, Вера Ивановна стала молиться с возможным тщанием. Отмолившись, она крикнула Шуре:

– За людьми не надзирайте! Здесь я начальница! Спала и спи, а то в богадельню сдам!

И, засыпая, Вера Ивановна с удивлением отметила уплывающим сознанием, что страх за спрятанную черную кассу

впервые, как препятала деньги, прошел. Как будто больной лихоман котельной присматривал за ними и оберегал.

На следующий день Петров по случаю предстоящей завтра Казанской Божьей Матери надел новые шерстяные перчатки и каракулевый пирожок. У калитки он замешкался, какой стороной повесить фанерку: «Я дома» или «Я на работе». Ни та, ни другая его не устраивала. Он раздраженно швырнул фанерку в кусты.

– Генералам! – козырнул ему с крыльца напротив Толян.

– Из Можайки побег... К тебе заходили... А ты – в отрубях на полу валялся.

– Было дело, – засмеялся Толян. – Отдыхал.

– Не знаю, не знаю, мое дело передать. Я за хлебом иду.

В трапезной старухи в ожидании хлебовозки обсуждали Буку.

Чувствуя себя в центре внимания, пес важно прохаживался по комнате. Подошел к окну и от безделья, как муху, куснул красную закорючку жгучего перца, который матушка выращивала на всех трех подоконниках вместо цветов. И затряс башкой.

– Пожуй-пожуй, голубок! – вытирая с кителя разлетевшиеся Букины слюни, засмеялась Вера Ивановна. – Доокусывался!..

– Воды подай псу! – приказал Петров. – Забавы строите! Арина налила воды. Бука жадно рыпнулся к миске, чуть

не сшибив старуху.

– Страхота бесполезная!

– Сама ты бесполезная! – рявкнул на Арину Петров. – У ней мертвая схватка!

– Садись посиди. – Вера Ивановна придвинула Петрову стул. – Больно строгий стал. Молодой был, иначе пел. У тебя внутри-то живут? Забирай им корки.

– Чего ты ему все отдаешь? Я для козочки возьму. – Груша потянулась к корзине.

– Я те дам козочку! – замахнулся на нее Петров. – Сядь на место!.. Воровка!.. Опять я однойнутри не вижу.

От волнения Петров широко раскрыл рот, верхняя челюсть выпала и покатила под стол. Притихший было Бука с ликованием кинулся за ней. Петров клюкой гнал пса трапезной, Вера Ивановна на корячках полезла под стол спасать Петрову челюсть.

– А мой Толян после первой тюрьмы заказал себе зубы, потом гадость выпил, они и растаяли у него прям во рте, – похвасталась Арина Маранцева.

– Он любое питье спичкой пробует: что горит, то и жрет.

– Ох, ох, не надо баловать... – запричитала очнувшаяся Шура. – Все батюшке рассказать...

Она недобормотала, в прихожую вошел Женя-сумасшедший, перегруженный огромной охапкой дров.

– Хлеб привезли, – радостно сообщил он, сваливая дрова возле котла.

– Вера Ивановна, будьте добры, дайте покушать.

– Чего расселись! – шикнул на старух Петров. – А ну кыш!

– А почему ты, Женя, без носок-то? – покачала головой

Вера Ивановна.

– Разве тяжко носки обуть?

– Вы знаете, Вера Ивановна, – рассудительно сказал Женя, – практически невозможно. Я, прежде чем что-нибудь предпринять, должен выпить лекарство. А я порой забываю это сделать. Создается парадокс.

Вера Ивановна, пока разогревалась каша для Жени, нашла в шифоньере старые, дырявые носки.

– Ну-ка давай.

– Сыновье вам спасибо, Вера Ивановна, – поблагодарил Женя, взял носки и задумался.

– Ну что ты замер? Обувай.

Женя вертел носки со страдальческим лицом, не понимая, как с ними поступить.

– Пилюлю прими, – посоветовала Вера Ивановна.

– А где мое лекарство? – Женя отложил носки и нашел в кармане пузырек с таблетками, – Если не трудно, Вера Ивановна, немножко воды, запить.

– Горе ты мое, горе... – Вера Ивановна налила ему остывшего чаю. – Таблетки-то тебе тоже не в помощь. А если, не дай Бог, захвораешь, кто за тобой ходить будет?

– Я в Москву на улицу Восьмого марта поеду. В больницу. Там врачи очень хорошие. Или, может быть, жениться. Я

человек красивый, у меня пенсия...

Вера Ивановна тяжело вздохнула и со скрипом встала на колени перед Женей.

– Давай-ка носочки обуем, а потом уж и сватов будем засылать. Кушать-то будешь или передумал?

– Нет, спасибо, я сыт, – улыбнулся Женя. – Я очень плотно сегодня позавтракал.

– А все-таки кашки вкуси слегка, для порядка.

Вера Ивановна зашнуровала ему башмаки и пошла поискать какое-нибудь лекарство от сердца. От богомольцев много чего остается. Она нашла запылившийся пузырек, похожий на сердечные капли, и с ним в руке вернулась в трапезную.

Женя сидел перед неначатой тарелкой. Вера Ивановна сунула ему пузырек.

– Это что?

– «Кардиамин», – прочитал Женя. – Плохо себя чувствуете?

Хотела Вера Ивановна ответить, что как наглядится на бедолаг, так у нее печь в груди начинает, но смолчала, накапала в чашку сколько капалось, долила чаю и выпила.

– Значит, исть не будешь? Значит, убираю? Или погодить? Может, покушаешь?

– Может, покушаю, – очень серьезно согласился Женя, выходя – за стола. – Спасибо, Вера Ивановна, было очень вкусно. Я пойду дровами займусь. – Он перекрестился на

икону и вышел трапезной.

Вера Ивановна как-то бестолково поплелась за ним – отшиб Женька все ее планы: чего хотела-то? Посидеть бы немножко, глядишь, и вспомнила, да с другой стороны, чего рассиживаться – дел по горло. И для успокоения решила Вера Ивановна обойти церковь. Пустое вроде бы дело круги вокруг церкви вить, а помогает и сил придает.

Замотанные на зиму ульи стояли возле компостной кучи, на которой распухшими поросятами залежались два перезрелых кабачка. Сороки безбоязненно клевали помои, синичка у летнего рукомоиника долбила расклевшее мыло.

– Кто ж это догадался на помойке пчел устроить? – сокрушенно покачала головой Вера Ивановна.

Возле котельной Александр Хромов кувалдой колот глибы антрацита.

– Долбишь? – спросила староста. – Значит, оклемался. – И совковой лопатой отгребла уголь с дороги.

– Да я сделаю, – сказал Хромов.

– Хороший уголь, крупный. Еле достала. А справки-то нет. Проверять-то обявятся – чего скажу? Поскорей бы уголь в подвал спровадить.

Хромов выволок кучи полуметровый оковалок антрацита и закашлялся.

– Куда не в подъем схватил? – засуетилась Вера Ивановна. – Брось, говорю, отстань от нее, иди чайку попей. – И, притишив голос, добавила: – Трись на людях-то, трись... В

церковь приехал, к батюшке. Никто и не заметит...

– А долго сегодня?

– Чего, служба-то? До-олго... – закивала Вера Ивановна с гордостью.

– Батюшка наш с небрежением не служит. По полному чину, по-монастырски. Не как другие: отмолотил и побег. Тут его сын приезжая, Борька. Дьякон он в Москве. Сослуживал отцу. Все недоволен был, долго, говорит, служите. В два раза быстрее можно, как в других храмах. У нас такого, слава Богу, нет. Служит батюшка прилежно... Все бы хорошо, да вот плохо: никак, Саша, я с ним не сталкиуюсь. И знаю, грех, а ничего поделать не могу...

– Чего такое? – насторожился Хромов.

– К тебе не относится, наши дела...

Вера Ивановна хотела перемолчать, как обычно, когда видела любопытничество, но лихоман в душу не лез, отшагнул к углу и снова взялся за кувалду.

– Я ведь хотела ктиторов уйти, когда прежнего батюшку, отца Валентина, церкви выгнали. Думала, буду как все: приходить да тихонько в уголку Богу молиться. А батюшка отец Валентин не благословил. Оставайся, мать, говорит, без тебя храм запустеет. Береги храм. Вот и берегу себе на печаль-Вера Ивановна поставила лопату у входа в котельную. За косогором на дальнем поле в нине елозили трактора, перепахивая неубранный горох. Справа возле леса дымилась скирда.

– Так и не прикрыли солому, сволочи, – сказала Вера Ива-

новна, – вся сопреет. И смотри, Саша, на службе вечером будь как все. Колокол зазвонит – сразу в церковь.

Димка-регент висел на столбе перед папертью, вцепившись в него когтями кошек.

– Ты когда прибыл-то, я не заметила! – крикнула ему вверх Вера Ивановна. – Чего у тебя?

– Кондер полетел или лампа барахлит. Жень, включи! Женья-сумасшедший включил рубильник, к которому был приставлен.

– Ты смотри аккуратней там, – сказала ему Вера Ивановна, проходя мимо. – А то спалишься в проводах, как Мишка Гвоздев!

– Какой такой? – заинтересовался Димка.

– Которого Толян в прошлый раз на пруде зарезал. Толян в тюрьму отдыхать, а Мишка после больницы электричество полез воровать на столб. Его там и прихватило. Милиция потом одни уголья в целлофан паковала...

– А не надо пятить у родного отечества, – рассудительно сказал Толян, появляясь неведомо откуда. – У государства не воруй. Клиент созрел – его и щупай. Да, баба Шур?

Шура топталась возле паперти, ждала батюшку. В дареной старой шубе черной синтетики она мерно прохаживалась, заложив руки за спину. В шубе, в войлочных сапогах на «молнии». Степенная.

– Баба Шур! – крикнул ей в ухо Толян. – Хочешь, песню спою? Как по быстрой речке плыли две дощечки, ах, еж твою

медь, плыли две дощечки! Ништяк?

Из уборной вышел Александр Хромов и молча направился в котельную. Женя-сумасшедший преградил ему путь, достал кармана поломанную фотографию.

– Это мама моя. Ничего, правда?

С фотографии на Хромова смотрела тупорылая, налитая похмельем пожилая женщина.

– Солидная, – кивнул Хромов и, чтобы замаять смущение, потянул кармана папиросу.

– Не курят тут, – усмехнулся Толян. – Господь Бог ругается. Не следишь за порядком, баба

– А я ей говорю, – глядя на фотографию, продолжал Женя, – мама, зачем ты пьешь? Ты же верующий человек. Если ты выпьешь еще раз, я разобью нашу икону. Она выпила, я разбил икону. Вы знаете, ничего не случилось.

– Бывает, – невпопад пожал плечами Хромов.

– Жень, включи! – крикнул со столба Димка. – Не отвлекайся. Ко всенощной не успеем. А где Бабкин?

– За батюшкой поехал, – ответила староста и подпихнула Хромота в спину. – Иди угольку подкинь.

Толян проводил Хромова внимательным взглядом.

– Это откуда ж клиент приплыл? Нецерко-овный...

– Да... болезненный тут один... к батюшке... – расплывчато пояснила староста.

– Ох, ох, – залопотала Шура, – полночью пришел, одежду сушил... сахар ищет...

– Иди отсюда! – шуганула ее Вера Ивановна. – Здесь электричество!

– Болезненный, значит?.. К бабушке?.. Ясенько. – Толян задрал голову. – Дим! Кондер на корпус пробуй: искру бьет – значит, пашет! Контакт пошкурь: медь с люминием не дружит!

– Дай ключа! – проскрипел за спиной Веры Ивановны бесполой голос. Вера Ивановна обернулась. Татьяна – перекошенная от старости, на двух клюках – хмуро уставилась в лужу. Вера Ивановна молча рыпнулась в сторожку. Появление колченогой бабки подействовало даже на ртутную лампу – она наконец загорелась розовым светом. Димка-регент, стараясь особо не брнчать кошками, тихо спустился на землю и скрылся в сарае.

– Пойти уголек покидать с похмелюги? – Толян, зевая, двинулся в сторону котельной.

– Не ходи туда! – закричала Вера Ивановна, выходя сторожки. – Чего тебе там?

– Ключа, – осекла ее Татьяна.

– Чего орешь? – рявкнула на нее Вера Ивановна, хотя Татьяна не повышала голоса. – На тебе твои ключа! Орет, главное дело!

Толян, наблюдая за старухами, сапогом разгонял лужу на паперти. Татьяна укывляла в бабушкин дом.

– Ну ты даешь, начальник! – усмехнулся Толян. – Чего ты на нее полкана. спустила? Ей жить-то два понедельника

осталось.

– Уходи, Толян, Христом Богом прошу, – прижав руки к груди, попросила Вера Ивановна. – Что ты здесь груши околочиваешь?

– Балды налей – отвалю.

Толян удивился: ляпнул про балду просто так* а подействовало, Вера Ивановна безропотно скрылась в сторожке.

За оградой что-то загромыхало, Толян обернулся: в калитке Лешка Ветровский, замдиректора исторического НИИ, не мог справиться с худосочной деревянной стремянкой. Стремянка, раскинув ноги, заклинилась в прутьях. Лешка, тяжело дыша, драл стремянку на себя, Толян помог ему, заодно принялся.

– Ну сквозит от тебя!.. Ты ж вроде не керосинишь?

– Аспирант с Загорска приехал, – отдуваясь, прнался Лешка, – отец Иосиф, иеромонах. Засиделись.

– Ты где? – негромко позвала Вера Ивановна, стыдливо держа руки под фартуком. – Вылью!..

– Я тебе вылью! – Толян скакнул к ней и со стаканом в руке выпятился задом к скамье возле могилки. Он снял кепку, пригладил патлы и, поднеся стакан ко рту, обернулся к Лешке. – Оставить?.. Зря. Религия не возбраняет. Отец Михаил очень даже уважал. – И Толян заглотил балду.

– Стакан отдай, – сказала Вера Ивановна Толяну. – Выпил – уходи теперь. Толян послушно направился к воротам.

– Чего это ты приволок? – стряхивая над могилкой стакан,

кивнула Вера Ивановна на Лешкину поклажу.

– Разножка для катавасии. Как у старообрядцев.

– Сколько отдал?

– Тридцатку.

– Дорого, – осудила староста. – Передач, – повторила она для закрепления, хотя разножка была сделана опрятно, не на хозяина.

Показался мотоцикл. За спиной Бабкина возвышался батюшка, а в люльке сидела матушка.

Шура кинулась наперерез. Бабкин еле вырулил.

– Проздравляю с приездом!

Матушка, плохо скрывая брезгливость, поцеловалась с нищенкой. Из объятий Шуры матушка поглядывала по сторонам, всем ли видно.

– Чувствую себя плохо, ох, ох, – запричитала Шура, зыря глаза в сторону старосты, виновницы своих напастей. – И ноги не ходят.

– Вам побольше гулять надо, бабушка, – мягко улыбаясь, посоветовала Ариадна Евгеньевна, не вслушиваясь в бормотанье нищенки. – Ножками ходить, ножками...

– Тут к тебе человек, батюшка, – сказала Вера Ивановна, – Кашель у него нехороший. Полечить бы...

– Угу-угу, – закивал отец Вштерий, – Поговорим... Никогда у нас прежде не был?

– Новенький, – сказала Вера Ивановна. – Углем занимается.

– Тогда завтра после обедни.

– Я вот... с-спросить хотел, – нерешительно пронес Бабкин.

– В дом иди, отец, – раздраженно сказала Ариадна Евгеньевна. – Отдохни перед всенощной.

Батюшка присел на лавочку.

– Так-так?...

– Евангелие от Иоанна... Там в конце... Иисус говорит Петру: паси овец моих...

– И что тебя, э-э... смущает?

– П-... предал его... А Иисус Петра в начальники... Церковью командовать... Предателя... П-почему?

Отец Валерий, посидел, подумал, тяжело поднялся с лавочки.

– Неисповедимы пути Господни.

– И-вините, – пробормотал Бабкин. – Я не знал.

8

Ровно в пять Вера Ивановна ударила в колокола. Началась всенощная.

Отец Валерий в багровой новой фелони двинулся кадить иконы. Сегодня он был не в голосе, подпевал сипло.

Димка-регент настраивал магнитофон – решил записать службу, послушать потом со стороны. Бабкин сел возле магнитофона следить за индикатором. Петров сидел на той же лавке по инвалидности. Александр Хромов, не зная церковных правил, тоже подсел к Бабкину. Петров неодобрительно хмыкнул, но с лавки Хромова не согнал.

Батюшка приближался с дымящим кадилом. Все отошли от стен, пропуская его. Кадило источало неприятный парфюмерный запах. Когда батюшка приблизился к Вере Ивановне, она прикрыла рукой лицо – от химии.

С клироса Димка махнул рукой – Бабкин включил магнитофон.

Лешка Ветровский, в бордовом стихаре, в хромовых сапогах, склонился у аналая, помечая карандашом что-то в Типиконе. Видно было, что ему неможется: он переминался, вытирал пот.

Вера Ивановна выстояла начало службы и ушла к ящику. Народу в храме было мало: правый канун был пустой, лишь на левом под огромной соборной иконой у Никольского ал-

таря небольшой горкой лежали приношения: яблоки, конфеты, печенье. Ясное дело, откуда же на ночь глядя народу-то быть? Всенощная, дай Бог, в одиннадцать кончится, а потом топай по полям сквозь темень. Да и погода тяжелая. Снег вон с дождем опять.

Шура подождала, когда староста скроется виду, скоренько снялась с лавки, подскочила к ближайшему подсвечнику, вынула не догоревшую на треть свечку и назло старосте кинула огарок в консервную банку. Вера Ивановна нещадно ругала Шуру за самоуправство и перевод добра, категорически запрещая прикасаться к огаркам.

Хромов придремывал. В церкви было тепло, батюшка тихо гудел у царских врат, и малочисленный хор приятно подтягивал. Хромов понимал, что по-хорошему-то надо бы встать и свалить незаметно. Кепку только не забыть в котельной. И телогрейку. Надо бы, но тут, вуглу у батареи, так было тепло, дремотно и бесхлопотно, что он продолжал сидеть. «Черт с ним, переночую, а завтра поутраку двину».

Ерзула Шура – Хромов приоткрыл глаза и невольно повернул голову: в дверях стоял Толян и внимательно смотрел на него. Потом вышел церкви. Старосты за ящиком не было.

Хромов судорожно напрягся: досиделся, козел!.. Он толкнул Бабкина.

– Слышь. А староста где?

– Л-ладан плохой, – прошептал Бабкин. – Она не может – астма.

– А-а, – кивнул Хромов и сразу успокоился. – Мне тоже от него... Петров ткнул Хромова в бок.

– Вставай. Псалмы читать будут. Стой тихо – самая религия!

Хромов послушно встал. Бабкин послунил пальцы и пошел гасить свечи. Остшсь гореть только одна – на аналое чтеца. Лешка Ветровский прочистил голос и начал читать псалмы:

– «...Надо мной прошла ярость Твоя; устрашения Твои сокрушили меня. Всякий день окружают меня, как вода: облегают меня все вместе. Ты удалил от меня друга и искреннего; знакомых моих не видно. Господи, Боже спасения моего, днем вопию и ночью пред Тобою; да дойдет до лица Твоего молитва моя; приклони ухо Твое к молению моему...»

Хромов слушал эти малопонятные древние стихи без рифм, полутаинственные слова уносились под купол храма, и ему казалось, что разговор с Господом Богом идет о нем.

Вера Ивановна чувствовала себя совсем никуда; вот так же плохо ей было прошлой осенью, когда они с батюшкой поругались на людях. Матушка заявила, что за кассой во всех церквах, где они с батюшкой служили, были попадьи, и Вера Ивановна ей тогда, мучаясь от стыдного несогласия, тихо сказала, что не знает, как в других церквах, а у них в Покровской будет по правилам: либо она за ящиком, либо Катерина как заместитель. А больше – никто. И надеялась, что батюшка ее поддержит. А батюшка сказал: смирись, мать, так

по традиции православной. Вот тут Вера Ивановна и выдала ему при всех: раз народ нас с Катей брал, нам и следить за деньгами. Что ж ты, отец, матушку свою не приструнишь? Какой же ты тогда батюшка? И все при людях. И ушла к себе в сторожку. Вот тут ее и прихватило. Такая астма навалилась, не приведи Господь! Еле довели. Врача в больнице не оказалось, врач только до трех. Слава Богу, у Димки-регента в сидоре лекарства роддома нашлись. Всю ночь с ней сидел, ширял уколами, вены слиплись без давления, не мог попасть... А под утро ничего. Димка начал Евангелие читать – отпустило.

А сейчас не отпускало. Вера Ивановна, чувствуя, что упадет прямо в церкви, шаря перед собой, как слепая, выволокла на паперть и привалилась к двери.

Толян без толку мотался по церковному темному двору.

– Чего ты здесь восьмерки вьешь? – просипела Вера Ивановна. – Что тебе все нейметя? Уйди от греха.

– Слышь, хозяйка, – сказал Толян трезвым, спокойным голосом. – Ты вот телевизор не смотришь, а зря. А вот-вот баба Груша смотрит. Там сказали: ищут его. Угольщика твоего.

– «Скорую» позови, – прохрипела Вера Ивановна.

– А милицию?

– «Скорую» позови.

– Смотри, грабанет церкву! – Толян усмехнулся и пошел в темень. – Отвечать будешь. Как сообщник.

Последние его слова Вера Ивановна слышала сквозь на-

ползающее удушье, которому, знала, нет конца.

– Может, Вован съездит? – донеслось темноты. – Аппарат на ходу?

– Не надо, – немощно плесканула рукой Вера Ивановна. – Пешком добеги.

«...Избавь меня от врагов моих, Боже мой! защити меня от восстающих на меня. Избавь меня от делающих беззаконие; спаси от кровожадных. Ибо вот, они подстерегают душу мою; собираются на меня сильные, не за грех мой и не за преступление мое... Вечером возвращаются они, воют, как псы, и ходят вокруг города... Сила у них; но я к Тебе прибегаю, ибо Бог – заступник мой...»

Никогда Хромов не знал, не говорил и не думал о Боге. Есть – есть, нет

– нет. Какая разница? А после блуждания по буреломному непрочищенному лесу сейчас, в этой малой неказистой церквенке, понадеялся Александр Хромов на Господа Бога. На кой он тогда нужен, если не сейчас? В другой раз он и сам справится. А вот сейчас, только сейчас! «Да помоги ты, Господи! Как человека прошу, помоги! Помоги!»

Вечерня кончилась, началась заутреня. На маленький аналой перед сулеей Лешка Ветровский поставил поднос с пятью пышками, рюмку с зерном и стаканчик с елеем.

– Раньше-то всю небось ночь служили, – прошамкала недовольная бог весть кем Шура. – Вечерю монахи отслужат, оголодают, поедят, покушают... И дальше служить!

– Тихо ты! – шикнул на нее Петров, прамахиваясь клюкой.

– Мир ва-ам! – возгласил с амвона отец Валерий, кадя во все стороны. Он раскрыл царские врата, включил паникадило. – От Луки священное чтение...

Сзади раздалось мягкое настое шарканье: Ариадна Евгеньевна поспешала на чтение Евангелия. Не было случая, чтобы она хоть на секунду опоздала. Как будто батюшка по неведомой связи подал жене команду, и та успела вовремя оторваться от готовки. Такую же четкую сработку Бабкин видел в Берлине, куда они со Светланой ездили в прошлом году. Там на главной улице два солдата охраняли вечный огонь. Стояли они друг от друга довольно далеко, а разводились синхронно. Ночью Бабкин с женой пошли гулять по Берлину; огонь ночью не стерегли, и Бабкин разглядел дневной секрет: у места охранника под ногой была металлическая кнопка. Бабкин нажал, а Светка послушала у второго поста: там отозвался чуть слышный звоночек.

– «...И пришли к Нему Матерь и братья его, и не могли подойти к Нему по причине народа. И дали знать Ему: Мать и братья Твои стоят вне, желая видеть Тебя...»

Бабкин увидел, как Хромов еле заметно пожал плечами.

– Чего? – стянув наушники, шепнул он на ухо Хромову.

– Не понял: какие братья? Мамаша-то у Иисуса... не мать-героиня. Бабкин хотел сказать, что и он тоже не понимает, но вместо этого пронес:

– Неисповедимы пути Господни.

Батюшка отчитал Евангелие, матушка тяжело поднялась с колен, оправила зеленую юбку джерси, отряхнула вязаные гетры и поспешила к выходу...

– Глас восьмые! – пророкотал Димка на клиресе и, задав ноту певчим, взмахнул дирижерской палочкой.

– Благослови еси, Господи... – затянул Лешка Ветровский, в похмельной полудреме навалившийся на аналой, вдруг очнулся и заорал на всю церковь:

– Какой восьмой, мудила! Пятый глас!.. Димка замахал с клироса Бабкину:

– Магнитофон выключи!

Бабкин поспешно вырубил магнитофон.

Димка попробовал дирижировать дальше, но хор все равно распался, служба остановилась. Татьяна высунулась – за хоругви и погрозила Лешке кулаком. Из левой двери алтаря не вовремя высунулся озадаченный отец Валерий. Петров бил клюкой в пол. Лешка оторопел, заозирался...

– Господи, прости меня, – затравленно поводя глазами по сторонам, прошелестел он. Потом рванулся, стуча сапогами, к магнитофону, включил, отмотал пленку назад и переключил на прослушивание: по его меняющемуся в ужасе лицу было видно, что магнитофон записал кощунство.

Лешка стянул наушники и, опустив голову, обреченно поплелся в алтарь. В приоткрытую дверь алтаря было видно, как Лешка бухнулся перед батюшкой на колени. Вышел он алтаря поникший и до конца службы стоял перед своим ана-

лоем, опустив руки по швам.

Служба кончилась. Батюшка щелкнул в алтаре выключателем – паникадило погасло. Шура носилась по храму, задувая лампадки. Димка вкруговую прикладывался к иконам.

Из алтаря вышел отец Валерий без облачения, в одном подряснике, накинув на плечи драповое полупальто, и быстро зашагал к выходу. За ним потянулись немногочисленные сегодня прихожане, Певчие кучкой, переговариваясь, шли к выходу. В притворе Лешка преградил им дорогу. Татьяна хотела обойти его. Лешка, глядя в каменный пол, еле слышно пронес:

– Простите, братия, бес попутал.

– Бог простит, – кивнул Димка, и певчие направились к выходу.

Бабкин задержался у Никольского алтаря, выковырнул все огарки лепестков. Несколько лепестков расшатались. Бабкин приподнял канун – тяжеленную бронзовую доску – и попытался с испода подтянуть гайки. Одной рукой не получалось. Хромов шел позади всех и, заметив, как Бабкин мается с гайкой, шагнул помочь.

– Пассатижами надо, – пробормотал Бабкиа.

– Не надо, – сказал Хромов и, прихватив гайку, туго ее затянул.

Подтянув все гайки, Хромов с Бабкиным вышли церкви. Певчие и прихожане уже разошлись, а батюшка все еще стоял на паперти.

– У вас какая болезнь, простите? – спросил он Хромова.

Вместо ответа Хромов закашлялся.

– И давно это у вас?.

– Полгода.

– Понятно-понятно, – закивал отец Валерий. – А вы где работаете, если не секрет?

Хромов совсем увяз в кашле.

Бабкин стоял рядом с ними, и ему было неудобно за батюшку. Сейчас приставать будет к больному, чтоб машину помог достать. А какой он доставала? В Москве живет, а ходит в старой телогрейке. Хотя машина батюшке, конечно, нужна, без машины ему никак. Сколько раз Бабкин сам видел: батюшка стоял на шоссе, голосовал, руку поднимал, а никто не останавливался. Хотя все вокруг знают, что поп. Все равно не останавливаются.

Отец Валерий приложил ладонь козырьком к глазам.

– Машина вроде?.. Кого это еще на ночь глядя?..

И действительно: приближающиеся фары полоснули по церковному двору, высветили разбредающих уже за оградой старух, Петрова и устались в церковные двери.

Из машины выскочил Толян, отворил ворота.

Хромов осек свой кашель, мягко отпрянул от священника и, скрипнув зубами, исчез в темноте, едва зацепленный назойливым светом Бабкин явственно услышал оставшийся от него на паперти свистящий шепот: «С-суки».

Машина въехала в церковный

– Что случилось? – крикнул отец Валерий, спускаясь с паперти.

– «Скорую» пригнал, – сказал Толян. – Хозяйка велела. Асма у ней. – И, обернувшись к Бабкину, потише спросил: – А чего новенький слинял? Прямо с паперти?

Бабкин пожал плечами.

– Убежал, значит, – задумчиво пронес Толян. – Это хорошо.

– Чего хорошо? – не понял Бабкин.

– Да так, – махнул рукой Толян, – не бери в голову. – И крикнул женщине в белом халате, направившейся к трапезной: – Не туда! Она в сторожке.

Вера Ивановна сидела на своей продавленной кровати с железными шишечками, опустив ноги в таз с водой и упершись ладонями в колени. От воды шел пар, голову она свесила вн, костлявые плечи задрались. С уроненных вн жиденьких волос в таз падал пот. Она сипела на одной ноте.

– Душится, – стоя в дверях, сказал Толян.

Женщина в халате на свету оказалась акушеркой Кошелева.

– Это я даже делать ничего не буду, – она растерянно развела руками.

– В больницу! Вера Ивановна подняла бордовое лицо, хотела что-то сказать в промежутке между сипами, но не смогла, опять стала давиться, будто ее рвало. В сторожку, расталкивая всех, просунулся Димка-регент.

– Опять!.. Нин, у тебя в тачке баллон кислородный есть? – Он присел над скоропомощным ящиком с лекарствами. – Не слышишь? Кислород есть?

– Кислороду ему! – огрызнулась акушерка. – А пару пердячьего не хочешь? Не дают ни хрена, кроме горчичников! Лимита нету.

Димка раздраженно хлопнул крышкой ящика.

– Ни лазикса, ни коргликона, – сковозь зубы прошипел он. – В больницу надо.

– Давай, давай, Вера, не упрямясь! Поедем! – нетерпеливо сказала акушерка. – Катерина Ивановна! Где Катя?

– У ней смена, – сказал Толян.

– Батюшка, – обернувшись, позвала акушерка. – Повлияйте. Не хочет в больницу! Отец Валерий с трудом втиснулся в сторожку, приблизился к старосте. Аккуратно оторвал ее руку от ворота нижней мужской рубахи. Вера Ивановна цапала себя за шею, набрякшую жилами, судорожно хватаясь за бечевку крестика. Батюшка осторожно выпростал крестик ее кулака, бережно опустил за ворот рубахи. Вера Ивановна заученно распрямила руку.

– Укол... пусть...

– Чем я тебе укол? – склонилась над ней акушерка. – Ну чем?! Если бы ты родиха была... До больницы-то не знаю как довести! Уко-ол! носилки!

– крикнула акушерка. – Мне еще больную с инсультом забрать надо по дороге!

– Не поеду... – выдавила Вера Ивановна.

– Мать, поезжай, – строго сказал батюшка. – Благословляю. А завтра после обедни заеду причащу, не волнуйся. Ехай с Богом.

– Батюшка! – нервничала акушерка, – У меня больная с инсультом ждет!..

– Давай, Вера Ивановна! – взмахнул рукой Толян. – По утреннему бру, по утренней росе...

Расталкивая всех клюкой, вперед протиснулась Татьяна.

– Не гневи Всевышнего, Вера, езжай в больницу, – глухо сказала она, глядя в пол. – Я при храме останусь, соблюдать буду... Одно дело – мы с тобой, другое дело – храм. Езжай.

Вера Ивановна слепыми глазами оглядела стоявших возле кровати и бессильно уронила голову.

– Вовкя... – пискнула она. Бабкин протиснулся вперед.

Ухватившись слабой рукой за его ухо, Вера Ивановна зашептала что-то непонятное: капуста, кадка...

– Ладно! – не выдержала акушерка, отгоняя Бабкина. – Никто твоих кадок не тронет! Говна-то!..

– Хозяйственная, – усмехнулся Толян. – Помирать собралась, а за капусту болеет...

Бабкин ждал ночи. Время от времени он поднимался котельной: в трапезной и в домике батюшки горел свет. Бабкин спускался к себе в подземелье. Бука терзал кепку ночного гостя, куда-то запропастившегося. Бабкин отнял ее у пса, повесил на сучок стойки.

Включил «Голос Америки». Америка сказала: в Москве полночь. Бабкин выключил приемник и вылез котельной.

В трапезной было темно, в доме батюшки теплилась лампадка.

Стараясь ступать помягче, спотыкаясь в темноте о куски антрацита, Бабкин пошел к сторожке. Шура одна ночевать боялась и перебралась в кирпичный дом.

В сторожке было холодно. Он на ощупь отыскал в кухонном шкафу смятые полиэтиленовые пакеты, консервная открывалка лежала на столе. Он сунул пакеты и открывалку в карман и, придерживая маленькую дверь, чтобы не скрипнула, вышел в прируб, ведущий в сарай. Здесь Вера Ивановна держала свое хозяйство. Бабкин снял с капусты гнет-булыжник, приподнял крышку, она мокро чмокнула. Он снял телогрейку, свитер, засучил рукав до самого плеча и полез голый рукой в холодное пахучее месиво. Банка с деньгами лежала на самом дне, на боку. Вынуть ее было невозможно. Бабкин засучил второй рукав, почти хлебая ледяной рассол,

ухватил банку обеими руками и потянул на себя.

Вытянув банку, он обтер ее и несколько секунд постоял просто так, прижав ее к себе, ждал, пока успокоится колотье-ба в груди. Банка была тяжелая, как с молоком. Он прикрыл дверь в прируб – дверь пискнула. Бабкин з На цыпочках вышел сторожки, запер дверь в сени на гвоздь, как было. И снова з Было тихо, только котельной доносился несильный вой запертого Буки. Бабкин побежал.

– Э, на катере! – негромко окликнул его сзади знакомый голос. – Слышь! Тормози.

Одной рукой держа банку, Бабкин другой рванул дверь в котельную и, не рассчитав с набега крутны лестницы, упал... Пытаясь удержаться за желоб с углем, выпустил банку. Банка разбилась. И сам он повалился вн по битым крутым ступеням. Бука бесновался за второй дверью.

– Б-бука, – промычал Бабкин, вытирая ослепшее от крови лицо. – Б-бука!..

– Тихо, падла! – прикрывая верхнюю дверь, прошипел спускающийся вн Толян. – Чего орешь всю дорогу?

Сквозь красную пелену Бабкин увидел, как Толян нащупывает в желобе кусок антрацита. И негромко попросил:

– Н-не н-надо...